Иосиф Дискин

Альтернативы «РОССИЙСКОГО ПРОРЫВА»

Иосиф Дискин

Альтернативы «российского прорыва»

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"
2019

УДК 32
ББК 66.0

Дискин И. Е.

Альтернативы «российского прорыва» / И. Е. Дискин — Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2019

ISBN 978-5-8243-2360-3

Автор описывает круг вопросов и проблем, связанных с «российским прорывом», проясняет суть тех вызовов, которые стоят перед нашей страной, анализирует высокий уровень рисков, связанных как с поиском ответов на эти вызовы и риски, так с самими этими ответами. Весь этот анализ, как надеется автор, может пригодиться тем, кто будет участвовать в разработке средств реализации Стратегии, ее отдельных элементов, тем, кто возьмет на себя функции аналитиков и конструктивных критиков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-8243-2360-3

© Дискин И. Е., 2019
© Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2019

Содержание

Введение 6
Глава 1. Императивы и риски «российского прорыва» 12
Глава 2. Вечная проблема. Телеология или генетика: как выбрать верный курс? 34
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Иосиф Евгеньевич Дискин
Альтернативы «российского прорыва»

© Дискин И. Е., 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

* * *

Вера вопрошает – разум обнаруживает.
Августин Блаженный Аврелий, Град Божий, 403

Введение

Одним из самых ярких парадоксов современной общественной и научной жизни является, мягко говоря, довольно невнятное обсуждение круга проблем, связанных с «российским прорывом» – кругом задач, намеченных Президентом России в Послании Федеральному Собранию и затем закрепленных в новом «майском» указе[1]. В наших медиа муссируются пессимистические прогнозы как по всей стратегии в целом, так и по отдельным составляющим «российского прорыва». И это при том, что любой непредвзятый взгляд позволяет сделать вывод: «российский прорыв» – вызов, ответ на который будет надолго определять исторические судьбы России.

Попытка автора инициировать общественную дискуссию о «российском прорыве» как императиве общественного и государственного развития в газете с более чем миллионным тиражом не привела к какой-либо заметной реакции[2]. Но великий завет «толците и отверзется вам» не позволяет отказаться от усилий продолжить обсуждение проблем «российского прорыва»[3].

Следует отдавать себе отчет, что поиск адекватного ответа на комплекс проблем и вызовов, решение которых требуется для успеха «российского прорыва», совсем не простая задача как для политиков и чиновников, так и для исследователей. Не менее важны эти ответы и для всего российского гражданского общества, консолидация которого, как это не раз отмечал наш Президент, является необходимым условием общего успеха. Более того, именно на исследователей ложится большая ответственность, так как они должны проанализировать альтернативы и риски, связанные с решением проблем «российского прорыва», предложить реалистичные средства реализации стратегии «прорыва».

Без таких средств реализация отдельных составляющих «прорыва», включая национальные проекты, может столкнуться со значительными внутренними противоречиями. Без консолидации и скоординированности успех на отдельных направлениях может привести к негативным последствиям на других. Общесистемный эффект окажется либо слабым, либо, что еще хуже, негативным.

Важно рассматривать стратегию «российского прорыва» как единое целое с тем, чтобы обойти подчас невидимые на предстоящем пути сциллы и харибды. Такой анализ является необходимым залогом успеха, от которого, без преувеличения, будут зависеть судьбы нашей Родины.

В связи с этим с сожалением приходится отметить, что при обсуждении проблем и приоритетов «прорыва» пока преобладает технократический подход, практически отсутствуют сколько-нибудь широкие общесоциальные подходы. И это при том, что, как представляется, именно игнорирование таких общесоциальных подходов и лидерами страны, и «стратегами», на которых полагались эти лидеры, дважды на протяжении прошлого столетия привели к краху великой страны.

Очевидно, что успешная реализация стратегии предполагает последовательное обеспечение субординации всех ее элементов по отношению к этому общему социальному контексту. Лишь таким путем можно достичь согласования всех составляющих этой стратегии, проложить реальный путь к ее успеху.

---

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М.: Известия, 2018; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

[2] Дискин И. Что ныне лежит на весах // Московский комсомолец. 2018. 12 апреля. № 76. С. 3.

[3] Новый завет. Евангелие от Матфея (гл. 7, ст. 7), см.: http://www.patriarchia.ru/bible/mf

На основе этого тезиса исходным пунктом анализа проблем «российского прорыва» является обсуждение составных элементов обсуждаемой стратегии и встраивание этих элементов в общесоциальный контекст. Соответственно, для нашего рассмотрения принципиально важно предложить для обсуждения концептуальные представления о соответствующем общесоциальном контексте.

В качестве отправной точки нашего последующего обсуждения важно рассмотреть исходные позиции участников этого обсуждения. Сегодня при обсуждении стратегии «российского прорыва» неявно конкурируют два подхода: «осторожный» – «почти прорыв» и «мобилизационный».

Для первого приоритетом является «стабильность», избегание рисков, следование «инерционному» сценарию. Что ж, позиция вполне понятная, имеющая право на существование.

Для второго же, напротив, ориентир – высокие темпы развития, пусть даже ценой более высоких рисков. При всей симпатии автора к этой позиции необходим серьезный анализ этих рисков, оценка грани, за которой приемлемые риски превращаются в авантюру с тяжелейшими последствиями.

Общий принцип, из которого исходит автор в связи с этим, – преувеличение рисков так же опасно, как и их недооценка. В первом случае теряются ресурсы развития, они тратятся на парирование несуществующих рисков. Во втором недооценка рисков ведет к необходимости тратить впоследствии огромные ресурсы на преодоление последствий реализации недооцененных рисков.

Ирония ситуации состоит в том, что одну из сторон дискуссии принято называть «либералами», хотя в логике ее рассуждений и в существе предлагаемых решений много ведомственно-бюрократических ухваток, но мало заботы о расширении реального пространства свободы. Исключение – снижение «силового давления» на бизнес. Но за этим видится скорее поиск политической поддержки со стороны бизнеса, чем реальная стратегия. Получив желаемое, бизнес не столько использует новые возможности развития, сколько злоупотребляет безнаказанностью. Примеров несть числа. Пожар в Кемерово – самый жаркий. Не помогают увещевания: «перестать кошмарить бизнес не означает свободы кошмарить потребителя».

Не менее ироничен стереотип относить оппонентов «либералов» к «государственникам». Последовательные «государственники» должны бы в первую очередь сосредоточить свои усилия на мерах, направленных на повышение эффективности государственного функционирования. Эти же, напротив, фокусируются на мерах макроэкономического стимулирования, мистически уповая на априорную способность государства решать предельно сложные задачи, которые включены в предлагаемую стратегию[4]. Не менее иронично и то, что авторы этой стратегии соотносят себя с наследием П.А. Столыпина. Великий реформатор как раз в первую голову обращал внимание на институциональную (как мы бы теперь сказали) компоненту реформ, а уже затем на макроэкономику[5].

Эти, уходящие в 1990-е гг. клички сторон дискуссии немало затуманивают их существо, возможность «отделить мух от котлет». В результате, несмотря на очень острый характер идущих дискуссий, невозможно продраться к теориям, лежащим в их основе.

---

[4] Программа «Экономика роста» (краткая версия), см.: http://stolypinsky.club/2015/10/30/programma-ekonomika-rosta-kratkaya-v/

[5] Здесь, кстати, был его просчет. Интриги тогдашнего Минфина и государственных банков, ограничивавших кредитование растущих крестьянских хозяйств, немало тормозили их развитие и не дали новому слою – государевой опоре – прочно встать на ноги. В немалой степени это предопределило колебания значительной части «справного» крестьянства в ходе последующей революции.

Можно высказать предположение, что, несмотря на все наслоения, обусловленные идейными корнями оппонентов, их образованием и опытом предшествующей работы, выбор приоритетов связан с базовыми предпочтениями: соотношением телеологии и генетики[6].

Условно говоря, одно ориентировалось на «взращивание» (отсюда такое внимание к проблемам исторического и социокультурного развития). Другое же, напротив, полагало, что строительство в соответствии с заранее намеченными целями и планом много успешнее. Для одних важны «пределы желаемого», а для других «границы возможного». Совсем недаром первые – «энтузиасты» – верили, что «нам нет преград, ни в море, ни на суше»[7]. Их оппонент Мефистофель – «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» – на стороне генетики: «Суха, мой друг, теория везде, Но древо жизни пышно зеленеет»[8].

Обращение к телеологии и генетике обусловлено еще и тем, что оно позволяет обратиться к достаточно обширному, уходящему в глубины истории противостоянию двух концепций развития. Проследить их развертывание очень поучительно.

Соответственно, при разработке стратегии развития одни полагают, что важнее всего *телеология* – верное определение целей развития, выбор организационно-технологических средств их реализации. Политическая воля и мощь государственного аппарата (ведь недаром «государственники»!) сделают свое дело, проложат дорогу к успеху или результату, который можно представить в качестве такового. И ничего, что просто задать желаемые цели, без целостного анализа условий их реализации – волюнтаристская авантюра. Как говорится: «рад бы в рай, да грехи не пускают».

Их оппоненты – «генетики», напротив, как и Мефистофель, ориентируются на «живые» ресурсы развития, анализируют разнообразные возможности, открывающиеся при анализе реально идущих процессов, во всем их разнообразии и противоречиях.

Эти наши современные «генетики» жмутся к инерционному сценарию, который видится им менее рискованным. Легко возразить, что в рамках такого подхода могут накапливаться общесистемные риски, далеко выходящие за рамки узкоэкономического подхода и, возможно, превышающие выгоды инерционного сценария. Эти общесистемные риски, оказывающиеся за пределами «бухгалтерско-бюрократического» сценария, сегодня даже не обсуждаются.

Их исторические предшественники, лучше знающие свой народ и глубже понимающие и сполна использующие ресурсы «генетического» развития, зачастую добивались впечатляющих успехов. При этом следует осознавать, что в рамках узкопонимаемой «генетики», сводимой к инерционному подходу, теряются реальные возможности развития, связанные с точным выбором целей развития и, соответственно, с корректировкой «генетической» траектории.

Таким образом, при выборе инструментов развития, реализующих цели «российского прорыва», крайне важно оценить реальные границы возможного. Выяснить, как ограничения предшествующего развития, да и те, которые возникают уже в ходе реализации поставленных целей, задают «коридоры возможного». Следовательно, выбор адекватных средств «российского прорыва» требует теоретического анализа возможностей и ограничений как телеологической, так и генетической компонент развития. Это возможно лишь на основе анализа проблемного поля, в рамках которого предстоит осуществлять «российский прорыв», выявить его внутренние противоречия, оценить реальные альтернативы, возникающие на этом пути. Отсюда и название книги, предлагаемой читателю.

---

[6] Телеология [*греч.* telos (teleos) – результат, цель и logos – слово, учение] – философское учение об объяснении развития в мире с помощью конечных, целевых причин. В современной методологии рассматривается как принцип объяснения, дополняющий традиционную причинность причинами-целями.Генетика (*греч.* γεννητικός – относящийся к рождению, происхождению) – объяснение развития на основе объясняющих его факторов. Сегодня исходное значение почти утрачено в связи с его отнесением к науке «генетика», тогда как раньше понятие «генетика» относилось к проблематике «органичного развития».

[7] Марш энтузиастов, муз. И. Дунаевского, слова А. д'Актиля.

[8] Гете И. Фауст (пер. В. Брюсова).

Ирония судьбы состоит в том, что я, видимо, всю жизнь занимался ровно этой проблемой. При обсуждении проблем модернизации, социальной трансформации, стратегии развития нашей страны я все время возвращался к этому же кругу проблем[9].

Полвека назад в библиотеке «Плехановки» я, готовя курсовую, наткнулся на статью В.Г. Громана «Телеология и генетика»[10]. Естественно, неофит и ведать не ведал, что В.Г. Громан – «враг народа» и его «подрывные» идеи о необходимости учета «генетических ограничений» были жестко осуждены в рамках дискуссии о пятилетнем плане (об этой дискуссии далее). Позднее узнал, что в борьбе с «подрывными» идеями из большинства экземпляров журнала «Плановое хозяйство» даже была изъята статья, на которую я наткнулся. Аргументы же статьи запали в память надолго, и дальнейшие занятия теоретической социологией, проблемами социальной трансформации и модернизации, теорией социального развития лишь укрепляли этот интерес.

В результате постепенно пришло осознание, что взаимоотношение телеологии и генетики пронизывает всю историю дискурса проблем развития. Сегодняшний жесткий спор либерализма и консерватизма – лишь проекция этого дискурса. Доктринерский либерализм, уверовавший, что цель истории – воплощение «абсолютных», «общечеловеческих», внеисторических ценностей, – прямой наследник «телеологии».

Консерватизм, традиционно искавший свою опору в истории и национальных традициях (недаром консервативная экономическая теория Ф. Листа называлась «исторической»), – прямой преемник «генетики»[11]. Драма состоит в том, что обе идейно-политические концепции в ходе эволюции утратили свои исходные теоретико-методологические корни и стали соскальзывать к догматизму. В ходе нашего дальнейшего обсуждения мы предпримем попытку вернуть эти почти потерянные взаимосвязи.

Эта задача имеет и прикладное значение. Слабая рефлексия теоретических корней давнего спора часто приводит к тому, что оказываются заблокированы разного рода разумные компромиссы между этими двумя позициями. Так, например, давно продвигаемая автором концепция «консервативной модернизации» еще недавно воспринималась рядом аналитиков как «жареный лед», оксюморон. Ниже мы попробуем показать, что «консервативная модернизация» как раз и является приемлемым компромиссом между «чистой» телеологией и «чистой» генетикой. Более того, именно «консервативная модернизация» не раз в истории, включая и российскую, была успешной стратегией[12].

Эти соображения, как представляется, необходимы в связи с тем, что сегодня при поисках ответа на очень масштабные вызовы вновь придется обратиться к нахождению «золотой середины» между рассматриваемыми принципами. Целями телеологии, с одной стороны, и ограничениями, заданными «генетикой», с другой.

Важно также отметить, что в ходе нашего обсуждения будут рассматриваться лишь те альтернативы, которые представляются автору в качестве необходимых условий реализации «российского прорыва».

---

[9] Дискин И.Е. Прорыв: как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН, 2008; Он же. Кризис… И все же модернизация. М.: Европа, 2009; Он же. Модернизация Россия: сохранится ли после 2012 года? Уроки по ходу. М.: Европа, 2011; Он же. Что впереди? Россия, которая (все еще) возможна. М.: Политическая энциклопедия, 2014; Он же. Институты: загадка и судьба. М.: РОССПЭН, 2016.

[10] Громан В. Телеология и генетика // Плановое хозяйство. 1928. № 6.

[11] Лист Ф. Национальная система политической экономии, см.: https://libking.ru/books/sci-/science/205878-fridrih-list-natsionalnaya-sistema-politicheskoy-ekonomii

[12] Например, Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого (магистерская диссертация), в которой большой русский историк убедительно показал успехи «консервативной модернизации» Алексея Михайловича Тишайшего и издержки «телеологических» реформ его сына Петра Великого, см.: http://bookre.org/reader?file=761952

Для лучшего понимания логики нашего дальнейшего обсуждения необходимо сделать ряд замечаний.

Методологическое замечание – для понимания проблемы важно осознать исторический и научный контекст, в рамках которого возникала та или иная научная концепция. Часто эта концепция, как это, например, произошло и с либерализмом, и с консерватизмом, впоследствии была гиперболизирована и выходила за рамки первоначальной проблемы, для решения которой она возникла.

В книге пришлось возвращаться к истокам соответствующих научных концепций с тем, чтобы понять причины «отклонений», приводивших к этой гиперболизации. Собственно в этом была изначальная идея исторического материализма, который довольно быстро вышел за пределы такого своего предназначения и превратился в своего рода религию, так же, как, впрочем, и либерализм.

Соответственно, *теоретическим* выводом из сделанного выше методологического замечания является анализ факторов, условий и предпосылок, обусловливающих релевантность соответствующей научной концепции или, напротив, ее отсутствие.

Такой анализ призван дать оценку меры применимости обсуждаемой научной концепции к конкретным социально-историческим условиям. Более того, этот анализ позволяет выдвинуть требования к корректировке соответствующей концепции, направленной на повышение релевантности используемой теоретической конструкции. Пример такой корректировки будет показан на примере концепции социальной трансформации. В книге будет предложена коррекция классической «веберианской» концепции социальной трансформации, учитывающая специфику отечественного социально-исторического развития[13].

Эти методологические и теоретические соображения имеют очевидную практическую направленность, связанную с необходимостью создать *методический* аппарат, обеспечивающий «российский прорыв». Качество соответствующих инструментов в решающей степени будет определять меру успеха в реализации целей и задач «майского» указа и, соответственно, в очень большой степени влиять на характер развития нашей страны в среднесрочной перспективе.

Сегодня этот круг вопросов рассматривается в рамках оценки регулирующего воздействия проектов нормативных актов. Сама подобная постановка вопроса является очень значительным шагом вперед, направленным на преодоление правового номинализма, воплощением которого является известный принцип «нарисуем, будем жить».

Однако сегодня методический арсенал рассматриваемой оценки довольно ограничен. Такая оценка регулирующего воздействия содержательно применяется при регулировании деятельности бизнеса, где имеются соответствующие надежные представления. В иных ситуациях, в особенности там, где речь идет о регулировании масштабных социальных процессов, оценки регулирующего воздействия предстают в виде фикции и предназначены лишь для формального удовлетворения требований представить такие оценки.

Драма состоит в том, что большинство национальных проектов, направленных на реализацию целей и задач «майского» указа, как раз и связано с «большими» процессами, регулирование которых требует оценок регулирующего воздействия на масштабные социально-экономические процессы.

Недостаток методического обеспечения при разработке национальных проектов является одним из наиболее значимых рисков их успешной реализации. Эта явная плата за пренебрежение развитием социальных наук, необходимым для реалистичного анализа экономических, социальных и политических процессов, идущих в нашей стране. Эта плата может

[13] Дискин И.Е. Институты: загадка и судьба.

оказаться очень большой, если сегодня не заняться одновременным решением и теоретических, и методических задач, связанных с преодолением актуальных проблем нашего развития.

Но расширение *методического* арсенала, призванного обеспечить принятие эффективных решений при реализации национальных проектов, в свою очередь, требует выработки *теоретических* представлений о характере функционирования рассматриваемых процессов. Круг замыкается, ответы на совершенно практические, жизненно важные для успешного развития страны вопросы требуют проработки теоретических проблем, включая сюда и анализ макросоциальных процессов, задающих рамку для принятия эффективных решений. Вряд ли можно рассчитывать на выработку эффективных решений без оценки того, в какой мере эти решения лежат в «коридоре возможностей».

Соответственно, анализ альтернатив «российского прорыва» требует последовательного обсуждения всей логической последовательности, начинающейся с анализа вызовов, стоящих перед нашей страной, и заканчивающейся проработкой методического арсенала, отвечающего требованиям выработки эффективных решений.

По ходу написания книги стала видна и еще одна сторона ее актуальности.

В последнее время значительно активизировалась дискуссия относительно разработки объяснительной схемы социально-политических процессов, идущих в нашей стране, процессов «здесь и сейчас». Актуальность этой дискуссии обусловливается целым рядом новых противоречивых факторов современного общественного развития.

Соответственно, объяснительная схема призвана выделить наиболее значимые факторы, обусловливающие основные тренды развития. Сегодня явно обострилась борьба за представление обществу объяснительной схемы действий власти, которая ложится в основу конкуренции различных политических сил.

Смеем надеяться, что представленные читателю «посильные соображения» и объяснения будут продвигать понимание актуальных проблем развития как у тех, кто принимает государственные решения, так и у тех, кто судит о них, кто создает общественное мнение, которое все больше влияет на ход нашего общественного и государственного развития.

Глава 1. Императивы и риски «российского прорыва»

«Российский прорыв» – исторический императив. Послание Президента 1 марта 2018 г. еще только было произнесено, и почти сразу же мы услышали «экспертов-пораженцев», объясняющих, почему выполнить задачи Послания «ну просто невозможно». На это нет средств, нет адекватных институтов и нет качественной системы государственного управления. Многое из этого справедливо, но гораздо важнее прояснить, *почему эти задачи – исторический императив развития России, почему их нельзя не выполнить. Понять, «что ныне лежит на весах» (А. Ахматова).*

Задача предлагаемого обсуждения целей, проблем и противоречий «российского прорыва» – убедить читателя в том, что обсуждаемый «прорыв» – исторический императив. Наш неуспех повлечет за собой возникновение целого комплекса крупных проблем, которые с высокой степенью вероятности могут вызвать национально-государственную катастрофу. И это вовсе не преувеличение, ставящее автора в строй «торговцев страхом», «экспертов-пораженцев», стремящихся своими «страшилками» усилить собственную известность и поднять авторитет.

Напротив, в ходе предлагаемого обсуждения ставится задача по возможности рационально и обоснованно рассмотреть подлинные альтернативы развития нашей страны с тем, чтобы на основе этого найти пути снижения выявленных рисков, проложить дорогу для разработки эффективной стратегии развития. Такая стратегия призвана избежать исторической «ловушки», которая угрожает не только государству (здесь некоторые группы читателей могут расходиться с автором в своих предпочтениях), но и абсолютному большинству наших соотечественников.

Именно масштаб угроз и рисков предстоящего развития, необходимость разработки мер их купирования и парирования обусловливают необходимость проведения довольно широкого обсуждения, затрагивающего различные стороны нашего экономического, социального и политического развития.

Подобное обсуждение существенно облегчается тем, что Президент России В.В. Путин именно таким образом подошел к анализу соответствующих проблем в своем Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. Возникает возможность использовать структуру проблем, поднятых в Послании, в качестве отправной точки для нашего предстоящего анализа.

Главный критерий такого обсуждения – интеллектуальная честность, когда «на стол» выкладываются не только собственно аргументы, но и те ценности, в соответствии с которыми эти аргументы подбираются. Со времен Макса Вебера принцип values free – необходимое условие анализа проблем, в котором рассматривается социальная проблематика[14].

Ловушка среднего уровня. Большинство взаимосвязанных между собой показателей первой части Послания на деле ориентированы на одну общую цель: вырваться из «ловушки среднего уровня развития» (иначе «ловушка среднего уровня дохода»).

О рисках попадания России в ловушку среднего дохода экономисты говорят давно. Но в последнее время об этом говорится как о свершившемся факте: Россия, которая еще недавно могла перепрыгнуть через злополучный капкан, в него угодила. Годы дорогой нефти сделали страну относительно благополучной, но резервы для дальнейшего роста ее экономики как

[14] См.: https://eng-rus-sociology-dict.slovaronline.com/16460-value%20free. Социология как свободная от оценочных суждений наука. Предметом социологии является поведение человека в обществе. Все социальное поведение руководствуется *ценностями*. Таким образом, изучение социального поведения никогда не может быть свободным от оценочных суждений, если свободу от оценочных суждений толковать в смысле отсутствия ценностей потому, что *ценности* общества сами являются частью социальных фактов, и, соответственно, должны быть изучены социологией.

минимум неочевидны[15]. С этой оценкой согласен и Алексей Кудрин, ранее признавший, что страна в свое время просто «захлебнулась в желании рывка»[16].

Целый ряд исследователей показал, что при определенных условиях душевой ВВП страны, переходящей от бедности к «среднему уровню», перестает расти или растет, но очень медленно. Чаще всего такую метафору используют по отношению к развивающимся странам, которые на очередном витке догоняющего развития и в связи с ростом благосостояния теряют одно из традиционных преимуществ – дешевый труд.

По утверждению ректора РАНХиГС Владимира Мау, наибольший риск торможения у тех стран, которые в период подъема не успели создать качественную среду для инвестиций, сформировать средний класс как источник внутреннего спроса и не смогли диверсифицировать экспорт. На практике ловушка приводит страну в состояние, при котором ей «становится невыгодно производить ничего, кроме услуг, которые не экспортируются, и сырья»[17].

Проблема «ловушки» исследуется с середины прошлого века: в разной степени ею занимались американские экономисты Уолт Ростоу и Александр Гершенкрон в 1950-х и 1960-х гг. соответственно. Эти исследования были связаны с анализом «траекторий развития», включая известную теорию «стадий экономического роста», которая ранее была нами рассмотрена в рамках общего обзора теорий модернизации[18].

Дальше всех в изучении вопроса продвинулся профессор Калифорнийского университета Беркли Барри Айхенгрин. По его расчетам, быстрый рост экономики замедляется при достижении уровня подушевого ВВП $ 11 тыс. (по ППС в ценах 2005 г.). Но, сумев преодолеть этот барьер и обеспечив дальнейший рост, страна рискует угодить в следующую ловушку – при отметке примерно $ 15–16 тыс. Как только это случается, темпы роста падают со средних 5,6 до 2,1 %. Затем следует период долгого восстановления, не всегда успешный – некоторые страны так и остаются в ловушке[19].

Следует обратить внимание на то, что наша страна в первый раз подошла к уровню ВВП в $ 11 тыс. в конце 1970-х – начале 1980-х гг.

Как видно из рис. 1, Россия далеко «перешагнула» этот порог[20].

Такая ситуация, скорее, типична: в ловушке среднего дохода дважды побывали Австрия (1960, 1974), Венгрия (1977, 2003), Греция (1970, 2003), Япония (начало 1970-х, начало 1990-х гг.), Португалия (1973–1974, 1990–1992), Сингапур (после 1978, после 1993 г.), Испания (середина 1970-х гг., 2001) и Великобритания (1988–1999, 2002–2003).

Изменилось также представление о развитии экономики Южной Кореи: страна меньше чем за 10 лет пережила два этапа замедления экономического роста – в 1989 и 1997 гг.

---

[15] Экономисты увидели предпосылки для «новой перестройки» в России, подробнее см. на РБК: https://www.rbc.ru/economics/25/09/2016/57e6ddd39a7947904caa55fd

[16] https://republic.ru/posts/56186

[17] https://www.gazeta.ru/business/2013/12/24/5818101.shtml

[18] Дискин И.Е. Прорыв: как нам модернизировать Россию.

[19] https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2012/02/15/

[20] В 2017 г. этот показатель составил примерно 28 тыс. долл.

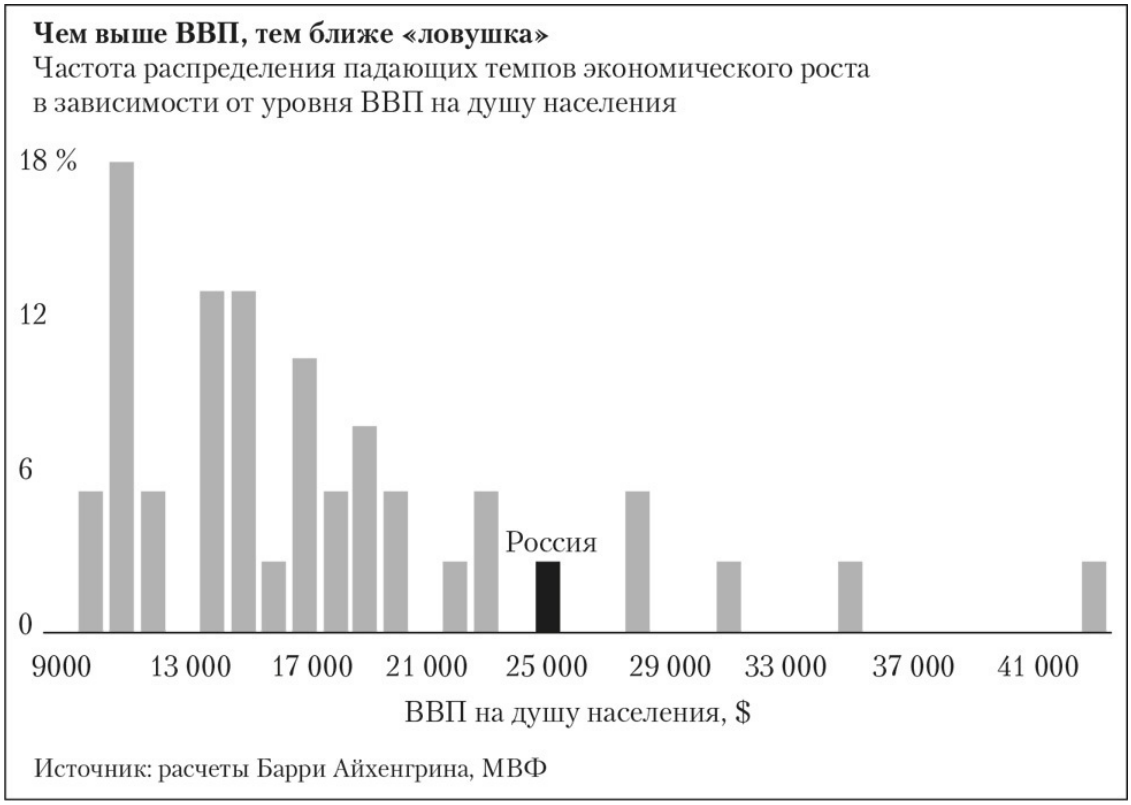

Рисунок 1

При этом замечено, что в большинстве случаев в «ловушке» невозможно «просидеть» долго. Чаще всего начавшиеся в результате «краха ожиданий» социально-политические кризисы «сбрасывают» страну вниз. Так, например, Иран попал в нее в 1977 г., накануне революции. Можно также сопоставить периоды попадания в «ловушку» со временем политических кризисов, произошедших в ряде стран, включая нашу собственную.

Для понимания причины этих кризисов необходимо расширить предмет нашего обсуждения за пределы собственно макроэкономического анализа. Более детально природу этих кризисов мы рассмотрим ниже, в связи с влиянием процессов социальной трансформации. Сейчас для нас важно отметить, что замедление темпов экономического роста ведет к «кризису ожиданий».

В «тучные» годы складывается инерция социальных ожиданий, связанная с быстрым ростом экономики и, соответственно, с ростом уровня жизни и оптимистическими оценками всего комплекса социально-экономических перспектив. Падение темпов экономического роста в этих условиях воспринимается как крах этих перспектив и ведет к разнородным смятениям и смутам, к поискам виновных, если не к «охоте на ведьм». Возникают значимые предпосылки социально-политического кризиса, плохо подходящие для восстановления темпов экономического роста, преодоления «ловушки среднего уровня развития».

Следует обратить внимание на вывод исследователей, что переход от авторитарного к демократическому режиму, вопреки камланиям наших либерал-доктринеров, лишь повышает риск замедления роста экономики. Переход от авторитарного к демократическому режиму влечет за собой рост издержек, прежде всего за счет более справедливого подхода к заработной плате и правам трудящихся.

Так, например, было в Южной Корее в конце 1980-х гг.: страна сначала пошла по пути демонтажа авторитарного режима, а затем – в 1989 г. – первый раз попала в ловушку среднего дохода. Доказано, что номинальная заработная плата в Корее до 1987 г. росла вместе

с номинальной производительностью труда, а после начала демократических реформ стала расти гораздо быстрее.

Из приведенных выше признаков очевидно, что наша страна уже находится в «ловушке» и императивом является скорейший выход из нее. Соответственно, необходим поиск путей выхода из этой «ловушки».

Эйченгрин и его коллеги проанализировали множество факторов, которые могут при прочих равных снизить или повысить риск попадания в ловушку:

– чем выше рост до замедления, тем выше вероятность попадания в ловушку среднего дохода;

– недооцененная национальная валюта – верная дорога в ловушку;

– значительная доля граждан пенсионного возраста также повышает риск попадания в ловушку;

– замедление в целом менее вероятно в открытых экономиках с высоким качеством человеческого капитала;

– чем больше в стране граждан с высшим образованием, тем меньше вероятность спада.

Заметим, что все эти факторы выведены на основе факторного анализа, требующего, в свою очередь, серьезной содержательной интерпретации, выявления дополнительных сопутствующих условий. Это относится, например, к оценке влияния «человеческого капитала» и высшего образования. Чтобы эти факторы действительно стали драйверами экономического роста, необходимо, чтобы диплом действительно подтверждал наличие высокой квалификации. Соответственно, данный показатель существенно снижает свою релевантность в условиях, когда достаточно долго немало наших вузов торговали дипломами в качестве средства освобождения от призыва в армию.

Эйченгрин также показал, что качество экспорта положительно влияет на снижение риска замедления экономики: страны с относительно большой долей высокотехнологичного экспорта менее восприимчивы к замедлению.

В качестве рекомендаций по выходу из «ловушки» он также указал на рост инвестиций в среднее и высшее образование; наращивание вложений в исследования и разработки (R&D), что позволяет увеличить высокотехнологический экспорт. Страны, которые использовали эту стратегию, смогли избежать торможения. Здесь можно вспомнить прежде всего Южную Корею и Чили.

В свете этих соображений легко увидеть существо задач, поставленных в Послании: повышение темпов роста выше мировых; рост доли несырьевого, прежде всего высокотехнологичного экспорта; внимание к инновациям, повышение качества образования[21].

Однако здесь требуется более детальный анализ проблем, решение которых необходимо для выхода из «ловушки».

Прежде всего нужно оценивать структурные предпосылки попадания в «ловушку». В период, предшествующий попаданию в «ловушку», для поддержания высоких темпов экономического роста и конкурентоспособности чаще всего использовались «стандартные» рекомендации: относительно низкий уровень оплаты труда, заимствование иностранного капитала, технологий и менеджмента. В результате конкурентоспособность поддерживается в секторе low cost: низкие издержки, абсолютно низкая цена (а не соотношение цена – качество).

Следует отметить, что этот «стандартный» рецепт обусловил длительный экономический рост Китая, преодоление чудовищной бедности в ряде стран Юго-Восточной Азии и Африки.

[21] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). 1 марта 2018 г.

В экономиках, развивающихся по этой «стандартной» модели, быстро растут сборочные производства, которые являются «дочками» иностранных концернов, владеющих интеллектуальной собственностью на продукцию и технологию и зачастую производящие ключевые компоненты. Главное, им достается основная часть маржи от производимой продукции.

Далеко не все эти страны обладают политико-экономической мощью Китая, который долго (чрезмерно долго, по мнению Д. Трампа) противостоял иностранным компаниям в их стремлении к репатриации прибыли и извлечению технологической ренты.

В результате страны, избравшие «стандартную» модель развития, практически обречены на низкую маржинальность основных секторов своих экономик. В результате невозможен рост оплаты труда в ключевых отраслях: сразу теряется конкурентоспособность, и в этих секторах начинается спад. Соответственно, не растет налоговая база и ограничены возможности бюджета для повышения уровня оплаты бюджетников, расходов на науку, образование и здравоохранение – необходимые источники роста на новом витке экономического роста.

Такая модель экономики не создает спрос на высококвалифицированных работников и, соответственно, на «продукцию» системы качественного образования. В ней достаточно низка мотивация к росту квалификации. Создается замкнутый круг, собственно и составляющий социальное измерение «ловушки»: структура экономики не создает спрос на качественное образование, науку и здравоохранение. Экономика, загнанная в «ловушку» из-за нехватки бюджетных средств, не может стимулировать эти социальные отрасли для создания опережающего спроса.

«Ловушка» создает предпосылки для сужающейся «воронки», в которую затягиваются и экономика и общество. На «дне воронки» видна национальная катастрофа.

Каковы же реальные пути для выхода нашей экономики из «ловушки»? Добывающий сектор – уже не ресурс. Его рост и доходы жестко «зажаты» мировым спросом. «Доить» его больше невозможно. Сегодня почти вся его немалая прибыль изымается в бюджет. Сельское хозяйство вряд ли может стать драйвером роста. Здесь нет уникальных конкурентных преимуществ, и, соответственно, оно у нас низко маржинально[22], да и оно по вкладу в ВВП не входит даже в первую пятерку секторов[23]. Хотя это вовсе не значит, что можно пренебрегать его возможностями.

Если рассматривать перспективы экономического роста с рентоориентированных позиций, то приходится признать, что возможности роста на основе извлечения природной ренты практически исчерпаны. Вряд ли мы можем рассчитывать на такой вид ренты, как «сеньораж»[24]. Для этого у нас нет сколько-нибудь серьезных предпосылок в виде масштаба экономики или силового глобального доминирования.

Единственной, как представляется, относительно реалистичной перспективой роста маржинальности экономики является рост ее глобальной конкурентоспособности. Соответственно, для выхода из «ловушки» нужна структурная перестройка экономики, направленная на повышение доли секторов, в которых конкуренция ведется уже на уровне middle cost и high cost. Необходимо создание продуктов и технологий, обеспечивающих их большую маржинальность. Это возможно лишь при создании «монопольной ренты» за счет коммерческого использования прав интеллектуальной собственности, т. е. высоко- и среднетехнологических производств. Яркий пример – экономика Германии, которая прочно удерживает мировое лидерство в инфраструктурном машиностроении.

---

[22] Маржинальность (маржа) – экономический термин, показывающий разницу между производственными затратами (себестоимостью) и ценой, которую за товар готов платить потребитель.

[23] www.gks.ru

[24] Сеньораж (*фр*. seigneuriage) – доход, получаемый от эмиссии денег и присваиваемый эмитентом на праве собственности.

Здесь также ясно видна связь с задачами Послания. Сегодня же ситуация далека от уровня, необходимого для выхода из «ловушки». Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в экономике России составила по итогам прошлого года 21,3 %. В денежном выражении это почти 20 трлн руб. В 2011 г. этот показатель составил 19,7 %. Потом вклад высоких технологий и науки в ВВП последовательно рос, но заметно просел до 21,3 % в 2015 г. В 2016 и 2017 гг. показатель остановился на отметке 21,6 %[25].

Дело даже не в том, что доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей невелика, а в том, что за 7 лет она выросла всего лишь на два процентных пункта. И это при том, что на эти годы приходится значимый спад, когда при «нормальной» конкуренции и высокой девальвации национальной валюты высокотехнологичные отрасли должны были получить дополнительные возможности конкурентоспособности и существенно увеличить свою долю.

Подводя итоги этого этапа нашего обсуждения, следует отметить, что выход из «ловушки среднего развития», в которую попала наша страна, является настоятельным вызовом, по существу, императивом. Альтернатива, «застревание» связано с системными социально-политическими рисками.

В Послании даны приоритеты, направленные на «выход из ловушки»: повышение темпов роста, структурные изменения, направленные на «облагораживание» структуры нашего экспорта, переход к инновационной, в т. ч. к «цифровой» экономике.

Анализ показывает, что ключевым приоритетом, создающим предпосылки для выхода из «ловушки», является инновационная экономика.

Приоритетность этого направления обусловлена также тем, что ко всем неприятностям, которые нам сулит «ловушка», добавляются новые грозные вызовы, связанные с громадными технологическими сдвигами, меняющими не только фундамент экономического функционирования, но и основы сложившегося жизненного уклада.

Технологические сдвиги. Сегодня уже общепризнано, что «скорость технологических изменений нарастает стремительно. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперед. Тех, кто не сможет этого сделать, она, эта волна, просто захлестнет, утопит»[26]. Уже видны технологические тренды, которые наряду с уже упоминавшейся «цифровой» экономикой будут кардинально менять практически все стороны экономической, социальной и даже личной жизни.

Прежде всего здесь следует выделить *роботизацию*. Уже сегодня несть числа прогнозам, в которых предрекается исчезновение многих профессий. Уже сегодня широко обсуждается сокращение огромного числа юристов и бухгалтеров в структурах Сбербанка[27].

Банальностью стали прогнозы относительно перехода к роботизированному промышленному и персональному автотранспорту. На подходе системы охраны, которые используют существующие системы идентификации личности и не требуют многомиллионной армии охранников магазинов, торговых центров и т. п.

Но это только первые «буревестники» грядущей технологической бури.

Обсуждения, которые автор провел за последнее время с ведущими специалистами, да и собственный более чем сорокалетний опыт работы в области искусственного интеллекта приводят к следующему выводу[28]. Сегодня уровень роботизации в том или ином секторе эко-

---

[25] https://www.rbc.ru/economics/06/02/2019/5c598ccb9a7947731eea7477

[26] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. С. 6.

[27] Греф о сокращении штата бухгалтеров, юристов, андеррайтеров в 2018 г.: «У Сбербанка имеется цель плавно продвигаться к цифровому режиму работы, что неминуемо ускорит закрытие сети отделений – от 30 до 50 % всех офисов Сбербанка через 5 лет будут закрыты, так как в них просто отпадет необходимость. К середине 2017 г. Сбербанку удалось сократить число бухгалтеров с 33 000 до 1500 человек, в планах – оставить всего 500 человек», см.: https://proficomment.ru/sokrashheniya-v-sberbanke-v-2018-godu-poslednie-novosti/Журнал ПрофиКоммент

[28] Тема моей кандидатской диссертации (1978) – «Использование методов распознавания образов в управлении организационными системами», специальность докторской (1990) – 05.13.10 – Применение системного анализа в управлении эко-

номики определяется не столько сложностью соответствующих технологических процессов, сколько масштабами этого сектора и, соответственно, готовностью инвесторов вложиться в разработку необходимых роботизированных комплексов.

Так, например, предварительные оценки показывают, что достаточно повысить уровень обязательных страховых выплат за гибель шахтеров до 30 млн руб., и в довольно короткие сроки практически исчезнет занятость людей на опасных подземных работах.

Самые предварительные оценки перспектив роботизации показывают, что в ближайшие десятилетия, т. е. в период трудовой деятельности ныне работающего населения, будут происходить масштабные сдвиги на рынке труда. Они затронут прежде всего людей, связанных с монотонным или же опасным трудом, где роботизация будет либо очень эффективна, либо выгодна по условиям, созданным в соответствии с политическими требованиями.

Но не хочется уподобляться Томасу Мору, который крайне негативно оценивал идущие в Англии структурные сдвиги: «овцы едят людей». Ведь именно эти сдвиги затем сделали из Англии «мастерскую мира». Роботизация в целом ряде секторов сулит нашей стране замечательные перспективы.

К тому же мало в какой стране имеются такие серьезные научные заделы для развития роботизации. Существующие в мире решения в области искусственного интеллекта в большой мере основаны на теоретических работах советских ученых. Так, еще в 1960-х и 1970-х гг. коллектив ученых ИПУ АН СССР под руководством М.А. Айзермана, куда входили также Э.М. Браверман и Л.И. Розоноэр, сделали огромный, признаваемый во всем мире вклад в теорию распознавания образов[29].

Было бы полезно «поскрести по сусекам», проанализировать созданные ранее, но заброшенные теоретические заделы, мобилизовать имеющийся на сегодня потенциал и использовать все это для создания эффективных роботизированных систем. Собственно именно по этому рецепту и была создана отечественная очень перспективная роботизированная технология управления дорожным транспортом. Ее создатели, выходцы из Всесоюзного института системных исследований АН СССР (теперь Институт системного анализа РАН) – «отростка» ИПУ, стояли «на плечах гигантов».

Так, уже сегодня существующие в нашей стране технологии, интегрированные в целостную автоматизированную систему, позволяют создать роботизированную систему производства массовой сельскохозяйственной продукции, прежде всего кормов. Это путь к возрождению производства во многих регионах нашей страны, где миллионы гектаров заброшены, зарастают кочкарником из-за того, что их просто некому обрабатывать. Близлежащие деревни обезлюдели. Дороги почти исчезли.

Можно, конечно, и дальше тешить себя мифами о традиционных путях возрождения этих земель. Но вопрос, кто заплатит за переселение нескольких сотен тысяч человек, создание в заброшенных деревнях полноценной социальной инфраструктуры (хотя бы фельдшерских пунктов, школ, клубов и многого другого, что необходимо сегодня для полноценной жизни). И это при том, что сегодня в экономике огромный дефицит инвестиций.

Но не менее важно, что при использовании такой «ретроградной» стратегии суммарная эффективность произведенной сельхозпродукции будет отрицательной. Безусловно, необходимо оказать поддержку проектам сохранения сельских поселений, за которыми стоит реальная местная инициатива, идея сохранения нашей истории, экологический и иной туризм. Но эти проекты не могут стать альтернативой реновации миллионов гектар заброшенных земель с учетом наличия перспектив развития нашего сельского хозяйства, связанных с растущим глобальным дефицитом продовольствия.

номическими и социальными процессами.

[29] Автор участвовал в работе семинара Л.И. Розоноэра.

Если использовать этот шанс и реализовать в рамках соответствующего национального инновационного проекта роботизированный комплекс, обеспечивающий сельхозпроизводство сначала массовой, а затем и все более технологически сложной продукции, то это путь к сокращению издержек производства, не требующий гигантских вложений в социальную и транспортную инфраструктуру. Привезти горючее для роботизированной сельхозтехники и вывезти произведенную продукцию – не слишком большая проблема. Для этого у нас уже есть почти вездеходные трактора и не нужны триллионы рублей, вложенные в дороги, по которым почти никто ни сегодня, ни завтра не поедет.

Это просто известный автору пример того, как может быть реализован отечественный инновационный потенциал. При его реализации предметом экспорта станет не столько природная рента, сколько рента технологическая, создающая приемлемую маржинальность экспорта, спрос на интеллектуальные ресурсы и, соответственно, на качественные образование и науку.

Кстати, аналогичным образом следует рассматривать и наш «сырьевой» экспорт. Мы не Кувейт и не Саудовская Аравия. В издержках нашего нефтегазового сектора преобладают поставки отечественного оборудования и технологий.

В этом смысле мы реализуем не только природную ренту, но и продукцию инвестиционного машиностроения. Оно может и не дотягивает, по крайней мере пока, до глобальной конкурентоспособности, но позволяет получать дополнительную маржинальность уже не полностью «сырьевого» экспорта.

Инновационные решения в секторах, поддерживающих экспорт сырья и продукции первого передела, – значимый ресурс искомого роста маржинальности.

Следующим источником технологических сдвигов часто называют *аддитивные технологии.* Это не только широко обсуждаемые 3D-принтеры. Речь идет об ином принципе производства изделий. Вместо обработки заготовок (прессование, фрезерование, токарные работы, сверление и т. п.) и придания им в ходе такой обработки необходимой формы аддитивные технологии используют принцип наращивания изделия и придания ему необходимых, недоступных прежде формы и качества[30]. В рамках этих технологий появляются возможности создания очень сложных форм и структур, включая сочетания материалов, соединить которые ранее даже и не мыслилось.

Очевидно, что эти технологии сулят огромные возможности. Так, на изготовление лопасти для винтов огромных судов, на которое ранее уходили месяцы, теперь требуются считанные дни. И при этом такие лопасти будут иметь очень сложную внутреннюю структуру и гибкость, существенно повышающую эффективность всего движителя.

Оценивая риски и перспективы развития аддитивных технологий в нашей стране, следует обратить внимание на ее научно-технические истоки. Прежде всего речь идет о создании производств «порошков» для этих технологий, из спекания или плавки частиц которых создаются искомые изделия. Но ведь в области материаловедения мы, как говорится, очень долго были «впереди планеты всей».

Да и сегодня явно не позади. Наши успехи в области гиперзвука, безусловно, требовали почти запредельных достижений в области сплавов, способных выдержать немыслимые температуры и воздействие плазмы с ее электрохимическими эффектами. Известные мне успехи в развитии аддитивных технологий, прежде всего в оборонных отраслях, базируются на относительно недавних достижениях.

Иной источник для прорыва в аддитивных технологиях связан с созданием мощных лазерных систем. Но и здесь у нас немалые, если не самые передовые, заделы.

Внедрение этих технологий также радикально меняет технологическую базу отраслей, которые все меньше будут иметь оснований называться обрабатывающими. А ведь речь идет

[30] Механик А. Аддитивные технологии – это уже не фантазии // Эксперт. 2018. № 35. С. 44–47.

о втором по вкладу в создание ВВП секторе (14 % добавленной стоимости). В них также будет радикально меняться структура занятости. На места рабочих будут приходить дизайнеры, технологи и программисты.

При этом следует обратить внимание на то, что Д. Трамп, провозгласивший «возврат домой» производств, ранее эмигрировавших за рубеж, исходит из того, что новые технологии, прежде всего роботизация и аддитивные технологии, обеспечат требуемый уровень низких издержек, которые ранее обеспечивались за счет низкого уровня оплаты труда, характерного для развивающихся стран. Да и стратегия минимизации миграции имеет те же технологические корни.

В целом же можно сделать вывод, что в обозримой перспективе будет кардинально меняться сам фундамент глобальной экономики. Прежде всего будет снижаться значение уровня трудовых издержек. Низкие трудовые издержки перестанут играть важную роль при формировании уровня конкурентоспособности.

Здесь можно провести аналогию с предшествующим этапом глобализации. Внедрение контейнеров, создание гигантских транспортных судов, в первую очередь контейнеровозов, кардинально изменили всю структуру логистики. Транспортные затраты перестали лимитировать структуру размещения производства, перекроили всю глобальную систему разделения труда.

Теперь же роботизация, аддитивные и информационные технологии создали предпосылки для нивелирования трудовых издержек. Структура размещения производства, способная мгновенно реагировать на изменение спроса, может быть кардинально приближена к рынкам. Это плохая новость для развивающихся стран.

Но это может стать «благой вестью» для нас, обладающих серьезным научно-техническим потенциалом в обсуждаемых технологических секторах, если мы не сможем использовать открывающееся «окно возможностей».

Можно увидеть также тенденцию к жесткому сегментированию глобальной экономики, ее деление на два слабо связанных между собой сегмента, различающихся уровнем используемых технологий. Здесь источник серьезных геополитических рисков «ответа» стран, выпадающих из технологического тренда. Здесь не только риски роста миграции образованных людей в «развитые» страны. Гораздо серьезнее риски мобилизации радикальной части населения этих стран в борьбе с несправедливостью модели развития, обрекающей эти страны на нищету и страдания.

К этой тенденции добавляется еще один тренд технологического развития – *новые медицинские технологии.* Развитие этих технологий все больше включает в себя таргетированные лекарства и технологии, сфокусированные на болезни и проблеме конкретного пациента. Эксперты говорят уже о возможности продления жизни до 130 лет.

Но проблема в том, что эти лекарства и технологии довольно дороги и позволить их себе могут либо очень богатые люди, либо очень благополучные общества с высокоразвитой экономикой. И здесь перспектива та же: глобальная сегментация на общества «долгоживущих», пользующихся перспективными огромными достижениями медицины, с одной стороны, и «короткоживущих», не имеющих такой возможности – с другой. Старшее поколение помнит соответствующее пророчество в романе Ивана Ефремова «Час быка»[31].

Для нашего обсуждения принципиально важен вопрос: в каком из этих миров будем мы? Сможем ли найти адекватный ответ на вызовы глобального технологического развития?

Но все предшествующие наши рассуждения приводили нас к проблеме кардинального повышения роли инновационного развития. Здесь и ответы на технологические вызовы, здесь же и пути выхода из «ловушки среднего уровня развития». Они основаны на переходе к росту

[31] Ефремов И.А. Час быка. М.: АСТ, 2017.

секторов с более высоким уровнем маржинальности, создающих спрос на более квалифицированный и, соответственно, более высоко оплачиваемый труд. Здесь предпосылки и для иного, более оптимистичного взгляда на перспективы общества, экономики и государства. А эта оптимистическая оценка предполагает инновации – необходимый ресурс экономического роста.

Следовательно, необходимо рассмотреть следующий императив «российского прорыва» – *инновационное развитие.*

Инновационное развитие. Прежде всего необходимо разобраться, что имеется в виду, когда мы употребляем понятие *инновация*[32], которое восходит к Й. Шумпетеру, разработавшему понятие экономической инновации[33]. При этом хочется обратить внимание на использование в этом определении такого признака инновации, как «востребованное рынком».

Позиция автора в большой степени совпадает с известной концепцией Петра Щедровицкого, где принципиально разделяются роли технологического разработчика и предпринимателя. Разработчик специализируется на создании технических решений. Предприниматель в своей зоне поиска практически применяет новый набор инструментов и технологий, отбирая решения, связывая их в единый процесс, находя экономически оправданные конфигурации.

Этот акцент на «экономически оправданные конфигурации» оказывается важным в связи с тем, что в нашем отечественном дискурсе этот признак часто игнорируется. Чаще обращается внимание на то, что «это результат творческого процесса, это процесс внедрения новшеств».

В проекте федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» дается следующее определение: «Инновационная деятельность – совокупность мероприятий (в том числе организационных, финансовых), реализуемых в целях использования результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере для создания новой или усовершенствованной продукции, для выполнения (оказания) новых либо улучшенных работ (услуг) или внедрения новых (улучшенных) способов их производства (выполнения, оказания) либо для освоения или усовершенствования технологии»[34].

Здесь легко видеть, что в этом определении даже не упоминаются признаки – «востребованное рынком» или «экономически оправданные конфигурации».

И это совсем не случайно. Во время слушаний в ГД по проекту этого федерального закона автор обратил внимание на то, что в ходе обсуждения много говорится о «свободе научного творчества», «развитии прикладной науки», но не упоминается про ориентацию инноваций на конечный результат – на влияние инноваций на экономический рост. Было довольно жестко сказано: «Инновации, это не про науку, а про деньги, зарабатываемые в результате». Это замечание не возымело какого-либо воздействия ни на ход обсуждения, ни на поправки к проекту закона.

Следует обратить внимание на позицию экспертов: «Из этого, среди прочего, вытекает, что "*отставание*" *не может быть просто* "*технологическим*". Волна технологической модернизации несет новые организационные формы, в рамках которых новые технологии и дают реальный прирост эффективности. Вместе с тем очевидно, что концептуальное разделение разработчика и предпринимателя требует их реального *объединения*. Предприниматель вписывает ноу-хау в экономику, выводя изобретение на заказчиков, которым выгодно их внедрение и которые готовы за него платить»[35].

---

[32] Инновация, нововведение – это внедрённое новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком, см.: ru.wikipedia.org.

[33] *Schumpeter J.* The Theory of Economic Development. Cambridge: Harvard University Press. 1934. [рус. пер.: Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова. М.: ЭКСМО, 2007].

[34] Подробно см. https://www.youtube.com/watch?v=k5o5qLAKBy0) http://regulation.gov.ru/projects#npa=69845

[35] Государство и инновации. Отчетный доклад об экспертном исследовании. Платформа. Центр социального проектиро-

Значение этого тезиса еще более усиливается в условиях, когда сегодня в нашей экономике не удается зафиксировать сколько-нибудь значимые корреляционные связи между затратами на НИР и ОКР, образование, с одной стороны, и темпами экономического роста, с другой.

Это вовсе не означает, что эти затраты бесполезны. Но отсутствие корреляции – это когда успехи по одним инновационным проектам нивелируются провалами других. Конечно, инновации – всегда дело рискованное, но все же успех в инновационном развитии – превышение успехов над неудачами. Без решения этой проблемы – *без ориентации инновационной деятельности на конечный результат, на рост маржинальности производства продукции и технологий, секторов экономики – в целом нам не вырваться из «ловушки» со всеми вытекающими последствиями.*

Все это означает, что *первым шагом* в стратегии реализации «российского прорыва» должно стать возвращение к пониманию инноваций, как к влиянию новых технологий и продуктов на достижение конечных результатов: их рыночная реализация или проверка «на поле боя». Соответственно, инновационное развитие только тогда будет оправдывать затраты на свое развитие, когда будет обеспечено кардинальное повышение вклада научно-технического развития в рост ВВП.

Переход к инновационному развитию предполагает кардинальную институциональную перестройку всего хозяйственного механизма, его интеграцию, *ориентацию всех его элементов на конечный коммерческий результат*. В мире уже накоплен немалый опыт решения соответствующей задачи. Сегодня решение этой задачи связывают с концепцией Национальной инновационной системы (НИС) – совокупности субъектов и институтов, деятельность которых направлена на осуществление и поддержку инновационной деятельности[36]. В 1980-х гг. Б.А. Лундвалл сформулировал само понятие НИС[37].

Для нашего дальнейшего обсуждения принципиально важен акцент на *интеграцию* инновационной системы. Речь идет о создании институциональных и финансово-экономических инструментов, интегрирующих все соответствующие элементы и ориентирующие их на достижение конечных результатов: коммерческий успех или создание систем вооружений, проверенных на поле боя.

Представляется, что слабость целевой ориентации отдельных элементов потенциальной системы, усугубленная рассогласованностью ее отдельных элементов, является первопричиной низкой эффективности инновационной деятельности в нашей стране, слабого ее влияния на темпы экономического роста, на социально-экономическое развитие в целом.

Яркий пример последствий, к которым приводят слабая ориентация на конечные результаты, низкий уровень интеграции потенциальной инновационной системы, следование «либеральному доктринерству» (главное для развития инновационной деятельности – поддержка венчурного сектора): «утечка венчурных проектов».

Речь идет о том, что действительно необходимое развитие сектора венчурных проектов, вполне успешно реализованное за последние годы, но не подкрепленное развитием смежных секторов НИС, обернулось тем, что прежняя «утечка мозгов» превратилась в «утечку венчурных проектов». Венчурные проекты, прошедшие этапы разработки концепции, первичной экспериментальной проработки, оценки их коммерческих перспектив, представляют собой немалую коммерческую ценность при относительно небольших затратах.

В хорошо развитых инновационных системах именно на этих этапах получается самое высокое соотношение между затратами и ростом капитализации проекта. На этом же этапе

вания. М., 2018.

[36] ru.wikipedia.org

[37] Lundvall B. A. National Innovation Systems – Analytical Concept and Development Tool // Industry and Innovation. 2007. Vol. 14. № 1. P. 95–119.

осуществляется feasibility study – проверка осуществимости, т. е. преодолеваются очень значимые технические и технологические риски проекта.

У нас же эти проекты не получают дальнейшей поддержки со стороны институтов, обеспечивающих дальнейшее продвижение проекта: создание инженерного прототипа продукта или технологии; запуска его в производство и, наконец, вывод на рынок или иная форма капитализации проекта.

Когда дальнейшая разработка и последующая капитализация «утекших» проектов осуществляются за рубежом, это оборачивается упущенной прибылью, утратой потенциальных ресурсов развития, т. е. огромным ущербом для страны. Это растущие риски застревания в «ловушке».

Но преодоление разобщенности – не единственный институциональный дефект, препятствующий превращению отдельных элементов в национальную инновационную систему. Прежде всего речь следует вести о последовательной *рыночной мотивации* всех звеньев, предназначенных для вхождения в эту систему.

Еще один пример: у нас много говорится и пишется о необходимости использования результатов фундаментальных исследований. Для решения этой задачи руководители науки призывают ученых, участвующих в фундаментальных исследованиях, писать больше патентных заявок. Количество полученных патентов – важный пункт отчетности научно-исследовательских организаций.

Но здесь опять телега ставится впереди лошади. Патенты нужны не сами по себе, но лишь тогда, когда авторам необходимо защищать свои права интеллектуальной собственности в рамках проекта, имеющего конкретное коммерческое содержание[38]. Писание патентов без ясной коммерческой цели – бессмысленная трата средств. Реальным результатом, который следовало бы включить в отчетность, является сумма, вырученная от продажи патентов или лицензий на использование интеллектуальной собственности, т. е. производные от конечного результата инновационной деятельности. Также было бы очень полезно включать в отчетность стоимость интеллектуальной собственности (собственной или приобретенной) в структуре затрат. Понятно, что в советской экономике это было невозможно, т. к. немалая часть этой собственности поступала в развитые сектора экономики, мягко говоря, не вполне легально. Но теперь-то это становится жизненной необходимостью.

В США же для включения фундаментальных исследований в инновационную деятельность используется, например, следующая практика. Почти всегда на семинарах ведущих университетов при обсуждении результатов проведенных исследований (перед направлением соответствующих статей в журналы) присутствуют «венчуристы»: сотрудники венчурных фондов, венчурных компаний, работающих в смежных секторах, энтузиасты, ищущие проекты, часто даже студенты бизнес-школ. Можно видеть, как после семинара «венчуристы» начинают беседы с авторами докладов на предмет выявления прикладного потенциала доложенного научного результата. Здесь принципиально важно, что в результате этой беседы появляется первоначальная концепция инновационного проекта. Такое бывает и у нас. Различие в том, что после этой беседы «там» участники семинара немедленно бегут к патентному адвокату и записывают «disclosure»[39], который может представлять конкретную коммерческую ценность и стать вкладом его владельца при создании компании для реализации проекта. У нас же в патентном праве нет даже аналога такого документа.

«Истории успеха» при реализации проектов, начинавшихся с беседы, с записи «disclosure» и завершившихся многомиллионными состояниями, – серьезная мотивация для

[38] Как обладатель ряда американских и отечественных патентов, могу вполне ответственно это утверждать.

[39] Disclosure (*англ.*) – обнаружение, открытие, выявление, вскрытие. В патентном праве документ, подтверждающий приоритет на концепцию прикладного применения научного достижения.

тех, кто затем очень внимательно будет анализировать результаты фундаментальных исследований в надежде найти свое «жемчужное зерно». И это лишь один пример процедур, превративших Америку в великую технологическую державу. Здесь точно есть чему поучиться.

Не менее важно рассмотреть опыт решения проблем, связанный с противоположным – со стороны государства – «входом» в НИС. Так, в начале своего президентства Дж. Ф. Кеннеди поручил команде экспертов найти научно-технический проект, который наиболее сильно продвинет экономику. И такой проект был найден – создание нового поколения турбинной лопатки. Это действительно продвинуло и авиацию, и энергетику.

У нас же пока ситуация иная. В Центре стратегического развития, готовившего в 2017 г. предложения к президентской экономической программе, обсуждался вопрос о включении в эту программу идею разработки государственных инновационных программ. Сразу же возникло возражение: без независимой и качественной экспертизы эта инициатива обернется конкуренцией лоббистов и «распилом» бюджета. Что существенно, это возражение было воспринято и данное предложение далее уже не рассматривалось. Примечательно, что это справедливое возражение не стало импульсом для развития проектов, связанных с созданием независимой и качественной экспертизы – необходимого условия для разработки масштабных научно-технических программ.

И это в нашей стране, где имеется уникальный опыт успешной реализации гигантских научно-технических программ, обеспечивавших нашей стране независимость, а планете – длительный мир без глобального конфликта.

Когда же речь заходит о последовательно инновационных проектах, ориентированных на конечный коммерческий результат, ситуация выглядит более противоречивой. Так, в нашей авиационной промышленности, имеющей большую историю успеха в создании боевой авиации, была предпринята первая попытка создания средне-магистрального пассажирского самолета, отвечающего требованиям рынка: SSJ-100. Проект был реализован. Производство новых самолетов постепенно растет. Налаживается, хотя и не без проблем, сервисное обслуживание. Но коммерческие результаты пока значительно отстают от первоначально заявленных.

Именно требования рынка предопределили серьезные проблемы с его реализацией, например, столь критикуемое сегодня использование импортных элементов и агрегатов. Но все же главное заключается в том, что был получен первый в нашем авиапроме опыт реализации подлинно инновационных, а не только научно-технических проектов.

Следует обратить внимание на ожесточенную дискуссию, возникшую в результате катастрофы этого авиалайнера. Немедленно, даже до завершения расследования раздались призывы прекратить эксплуатацию этих самолетов. Эта реакция общественного мнения – серьезный вызов для перспектив нашего развития. Если эмоции возьмут верх над требованиями взвешенного профессионального анализа, у нас не слишком велики шансы на успех «прорыва».

В экспертной среде все же преобладает позиция, что полученный опыт в полной мере был использован в следующем инновационном проекте: создании среднемагистрального самолета МС-21, который уже выходит на финишную прямую. Этот проект ориентирован на самые современные требования рынка. По моим личным наблюдениям цехов завода «Иркут», подготовленных для выпуска нового самолета, могу сказать: это просто фантастика. Эксперты соглашаются с тем, что новый самолет имеет приличные коммерческие перспективы.

Было бы несправедливо не упомянуть и инновационный проект в нашем автопроме. В самые короткие сроки на АвтоВАЗе была создана новая платформа, отвечающая требованиям не только российского, но и других перспективных рынков. Сегодня новинки – «плоды» этого проекта – возвращают ВАЗу его «привычную» долю российского рынка. Но все это «ласточки», которые пока не делают «инновационной весны».

В ряду проблем, которые необходимо решать для создания эффективной инновационной системы, необходимо выделить несколько проблем, обеспечивающих непрерывность и последовательность в реализации инновационных проектов.

В первую очередь необходимо создать возможности для прототипирования – создания инженерных образцов на основе реализованных венчурных проектов. В современных условиях невозможно ограничиваться лишь центрами прототипирования, создаваемыми крупнейшими корпорациями и холдингами. Следует рассмотреть возможность создания на частногосударственной основе центров, использующих методы 3D-, 4D- и 5D-прототипирования, которые должны стать структурными элементами создаваемых инновационных парков.

Следующий круг проблем связан с финансовой поддержкой инновационных проектов.

Особенность российской управленческой культуры – страх перед риском.

«Боязнь риска – проблема государственного уровня. У нас не развита риск-культура: ребята, давайте ошибаться и списывать ошибки на убытки. Кто-то должен стать лидером в поощрении культуры ошибок. На посевной стадии 90 % компаний превращаются в трупы. Давайте скажем: трупы – это хорошо. Давайте публикации анализа неуспехов положим в основу инновационной проектной культуры»[40].

Сегодня наши банки, если не получают указаний «сверху», то сторонятся кредитования инновационных проектов. Здесь дело не только в нежелании банков втягиваться в очень сложные проекты. Хотя нужно признать, что такое желание редко возникает в условиях, когда можно заработать более простыми методами.

Одной из важных причин нежелания финансовых институтов участвовать в кредитовании инновационных проектов является отсутствие у них экспертных компетенций по оценке всего комплекса рисков, возникающих в ходе реализации этих проектов. Но при этом приходится признать, что такие компетенции почти не присутствуют и у других участников инновационного развития. В результате в рамках нашего инновационного развития практически нет risk assessment (оценка рисков), которые являются специфическими для инноваций.

Соответственно, важнейшим условием для создания НИС является ее экспертно-аналитическое обеспечение. Здесь следует обратить внимание на подход наших конкурентов в оплате экспертизы инновационных проектов. Насколько известно автору на основании личного опыта взаимодействия с ARPA, в 2002 г. на оплату экспертов выделялось 13 % от стоимости проекта[41]. Следует учитывать, что размеры соответствующих проектов исчисляются сотнями миллионов долларов. Многие профессора ведущих университетов немало зарабатывают на участии в такой экспертизе. Но при этом ошибки в такой экспертизе почти всегда приводят к исключению из корпуса экспертов.

Теперь давайте сравним эту практику с нашей. При просто нищенской оплате экспертов у нас трудно требовать от них независимой, профессиональной и ответственной экспертизы, тем более использовать жесткие санкции за нарушения норм и правил экспертизы. Но без создания системы независимой, квалифицированной и ответственной экспертизы, способной отвечать на вызовы инновационного развития, трудно рассчитывать на успех в обеспечении адекватного ответа на вызовы «российского прорыва».

Опыт стран, осуществивших соответствующую инновационную перенастройку хозяйственного механизма, показывает, что успех сопутствует тем из них, кто преуспел в создании интегрированной Национальной инновационной системы (НИС). Но необходимым условием для решения такой задачи является заинтересованность государства в инновационном про-

[40] Государство и инновации. Отчетный доклад об экспертном исследовании. М.: Платформа. Центр социального проектирования, 2018.

[41] В тот период DARPA трансформировалась в ARPA, т. е. агентство рассматривало не только оборонные проекты, а затем опять вернулось в прежний формат – DARPA.

цессе. Здесь важно отметить, что государство в первую очередь формирует институты этой системы: законы, нормы, правила поведения.

Кроме того, инновационный процесс, как уже отмечалось, – это зона высокого риска. Нужда в участии государства в поддержке и регулировании важнейших элементов национальной инновационной системы больше, чем в других экономических подсистемах.

Соответственно, важнейший приоритет «российского прорыва» – целенаправленное создание интегрированной Национальной инновационной системы, ориентированной на повышение роли инноваций в экономическом и социальном развитии. Это, в свою очередь, означает, что создание НИС должно стать одним из приоритетных национальных проектов.

В его рамках необходимо обеспечить законодательное оформление принципов и механизмов этой инновационной системы; порядок разработки и реализации государственных научно-технических и инновационных программ; порядок функционирования государственной и независимой экспертизы.

Как отмечалось выше, приоритетом НИС является обеспечение «сквозной» мотивации всех субъектов хозяйственной жизни на конечные коммерческие результаты. Необходимо создать систему действенных стимулов для субъектов, способных «мобилизовать» их на реализацию программ и проектов, способных оказать влияние на социально-экономическое развитие страны.

В рамках системы стимулирования инновационной деятельности оказались бы полезными «национальные технологические программы», «приоритетные технологические программы и проекты» и т. п. Также полезным было бы создать систему предоставления финансовой (гранты, проектное финансирование и т. п.), консультационной и экспертной поддержки значимым инновационным проектам, отобранным по открытым конкурсам, включенным в «национальные технологические программы», «приоритетные технологические программы и проекты».

Но действенными могут оказаться и механизмы легального принуждения. Так, ряд экспертов предлагают обусловить предоставление компаниям (вне зависимости от форм собственности) любых форм государственной поддержки наличием реально осуществляемых планов инновационного развития, прошедших независимую экспертизу.

В рамках такого рода механизмов принуждения полезно включать в систему оценки деятельности органов управления компаниями с государственным участием (советов директоров, правления, генеральных директоров), показатели коммерческих результатов инновационных проектов, реализуемых компаниями.

При анализе нашей инновационной системы невозможно обойти и правоохранительную систему. Фактор наличия неизбежных рисков в инновационных проектах просто игнорируется. Провалы рассматриваются, по меньшей мере, как халатность, недостаточная проработка и предвидение рисков. Чаще же всего вменяются более серьезные статьи. Такая ситуация налицо даже в «оборонке». Что же говорить об использовании бюджетных денег в гражданских проектах. Ну, как в такой ситуации развивать инновации?

Первопричина такой позиции правоохранителей – в нежелании разбираться в хитросплетениях инновационных проектов. Если утрачены «государевы деньги», кто-то должен сесть. Да и надежная экспертиза, позволяющая отделить неустранимые риски от некомпетентности, как уже отмечалось выше, отсутствует.

Но нельзя сбрасывать со счетов и желание отдельных недобросовестных сотрудников «силовых» структур отличиться, выявив факты нецелевого использования средств, а то и утраты средств, выделенных на НИР и ОКР, без достижения запланированного результата.

С грустью приходится вспомнить, что «так уже было». В 1930-х гг. было потеряно немало научно-технических достижений, сгинули большие ученые и инженеры, став жертвами, как мы бы сказали сегодня, «оборотней в погонах». Это напоминание не для того, чтобы «копаться в

ранах прошлого», а для того, чтобы извлечь горькие уроки и создать систему оценки «всего комплекса надлежащих мер, принятых для реализации инновационных проектов».

Это значит, что правоохранители должны научиться работать в такой специфической и чувствительной сфере, как инновационное развитие.

Подводя итоги обсуждения рассматриваемого приоритета, нужно понимать, что без создания эффективной НИС мы обречены на весь комплекс рисков, связанных с «застреванием в ловушке».

Национальный суверенитет. Президент В.В. Путин за последнее время не раз подчеркивал, что главные наши проблемы – у нас внутри. Но одновременно нельзя не затронуть и связь между задачами «российского прорыва», с одной стороны, и гарантиями национально-государственного суверенитета, с другой. Здесь особо много спекуляций на тему: «сколько стоит независимая внешняя политика», «не лучше ли договориться с нашими партнерами».

Выше мы отмечали необходимость завоевания значимого места на мировом рынке высокомаржинальных продуктов и технологий. Но тем, кто знает практику заключения такого рода контрактов, известно, что они редко заключаются лишь на основе оценки коммерческого критерия цена – качество. В них практически всегда учитываются как геополитический «вес» потенциального партнера, так и уровень гарантий исполнения заключенных контрактов при различных сценариях мирового развития. Коллизии с поставками нашей системы С-400 в Турцию и Индию ясно показывают, что такого рода сделки заключаются вовсе не по законам честной конкуренции. Если бы поставщиком была не Россия, а второсортная страна, шансов на сделку просто не было бы. Доходы от военно-технического сотрудничества – прямая проекция независимой внешней политики.

Следует учитывать также, что поставки высокомаржинальных продуктов и технологий часто непосредственно связаны с функционированием критической инфраструктуры, что уже напрямую влияет на национальную безопасность партнеров. Здесь достаточно упомянуть блэкаут энергетики Венесуэлы в рамках попыток свергнуть ее законное правительство.

В качестве примера такой связи можно также привести не только гигантские инфраструктурные проекты, которые Советский Союз реализовывал во многих странах «третьего мира», стремившихся создать свой независимый путь развития. Но и сегодня целый ряд стран хочет хеджировать свои геополитические риски, выстраивая сотрудничество с нашей страной в области критической инфраструктуры.

Но эти желания независимых стран наталкиваются на мощное давление наших конкурентов. Так, например, каждый контракт «Росатома» на строительство атомных электростанций рождает всплеск интриг и прямого давления наших заокеанских «партнеров». Вспомним длинную цепочку примеров: Венгрия, Финляндия, Турция, Египет, далее везде. И это не рынок вооружений, где нам объявлена открытая война – санкции.

Дальше будет только жестче. Соответственно, наш жестко отстаиваемый суверенитет – необходимое условие облагораживания нашего экспорта и выхода из «ловушки».

Но геополитическое измерение нашего развития не ограничивается столкновением интересов[42]. Как представляется, сегодня идет переформатирование самих оснований глобального развития. Речь идет не об отказе от глобализации, но о смене ее оснований. Идет трудный, очень конфликтный процесс смены прежней модели глобализации, основанной на «либеральной» догматике, на модель, основанную на приоритете национально-государственных интересов.

[42] Автор ни в какой мере не относит себя к экспертам в области международных отношений. Его суждения основаны на теоретических представлениях об общих трендах социокультурного развития.

Долгое время идеологическими лидерами прежней модели были США. Идеологические центры, где задавали тон бывшие троцкисты, сформировали псевдолиберальную идеологию – идеологическую основу уходящей модели глобализации. Затем она обрела статус «гражданской религии», вдохновлявшей Запад на «мировую либеральную революцию». Совсем не случайно апологеты «либерального» триумфа выступили с концепцией «конца истории»[43].

Но одновременно шло осознание, что продвижение нового издания мировой революции – псевдолиберального «мирового пожара» – неизбежно порождало и продолжает порождать кризисы и революции в тех странах, где либералы не пользуются массовой поддержкой, где элиты и массы не готовы расставаться со своими глубоко укорененными ценностями и традициями. В мире росло осознание, что попытки глобалистски ориентированных элит и сил их идеологической поддержки продавить «либерально-демократические» преобразования чаще оборачиваются не триумфом демократии, а чередой острых кризисов[44]. Египет здесь не единственный пример.

И дело не только в собственно идеологических процессах. В ходе «либеральной глобализации» сложился мощный альянс между ее идеологами, с одной стороны, и ведущими инвестиционными структурами, с другой. Их рекомендации и решения жестко направлены на формирование глобального рынка, основанного на ценностях, задаваемых «либеральными» идеологами.

Соответственно, от лидеров многих стран требовали поступаться национальными интересами в пользу интересов «глобального развития», а на деле в пользу воротил Уолл-стрита – главных бенефициаров этой «либеральной революции». Когда условием получения кредитов Мирового банка, получения инвестиционных рейтингов и, соответственно, привлечения иностранных инвестиций становятся оценки приверженности тех или иных лидеров ценностям «либерализма», очень трудно выбиваться из общего тренда такой модели глобализации.

Нельзя не отметить, что именно В.В. Путин выступил с критикой этой модели глобализации[45]. Им четко было сказано: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна». Более того, для нас в прежней модели нет шансов вырваться из обсуждаемой «ловушки».

Борьба против этой, к счастью, уже уходящей «революции» и ее идеологических адептов, за наши ценности и традиции, за наши интересы, т. е. за наш суверенитет и многополярный мир, – необходимое условие «российского прорыва» и выхода из «ловушки». Но эта борьба надолго. Несколько десятилетий на Западе формировались идеологические и политические элиты, отбираемые по критерию их приверженности ценностям «либерализма». Для них просто невозможен пересмотр прежних позиций – это не только мучительный пересмотр их высокозначимых ценностей, но и утрата статуса и политических позиций. Защищать все это они будут ожесточенно. Ну, как тут не вспомнить известный тезис А.Я. Вышинского об «обострении классовой борьбы».

Атаки «либеральных» СМИ на Д. Трампа, позволившего себе отойти от «священных заветов» глобализации, – прямая проекция этого идеологического противостояния. Неистовая их же демонизация В.В. Путина – из арсенала той же идеологической войны.

Сегодня очевидны тенденции формирования новой модели глобализации, основанной на учете национально-государственных интересов ее участников. Ее экономическая проек-

---

[43] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М., 2004 (*англ.* The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992).

[44] Хочу оговориться, личный опыт знакомства со многими сторонниками либеральной глобализации показывает, что среди них немало искренних приверженцев ценностей свободы и демократии. Но это не меняет мои выводы относительно последствий их деятельности.

[45] Речь, произнесённая Президентом Российской Федерации В.В. Путиным на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г.

ция отчетливо видна в документах БРИКС. Именно эти страны – лидеры соответствующих геоэкономических регионов – наиболее заинтересованы в формировании нового глобального порядка.

Критики новых тенденций заявляют, что формирование новых правил через баланс национально-государственных интересов, без общей идеологической базы невозможно. Сегодня им есть что ответить.

Наши оппоненты, критики, а зачастую просто враги говорят, что нам «нечего было лезть в Сирию». Но за этим не просто отвратительное небрежение жизнями миллионов: христиан, алавитов и еще, и еще. За этим и рациональные соображения. Это не только блокировка продвижения на мировой рынок нашего вооружения. За нашим оружием сегодня толчея, что предполагает немалые доходы. А это прямой продукт энергичной независимой политики.

Не менее, а может быть и более важно, что в Сирии была доказана «теорема существования» многополярного мира, его действующая модель. Умиротворение Сирии, на порядки снижение уровня потерь – доказательство того, что можно согласовывать разнородные интересы, находить развязки и строить жизнеспособные системы безопасности без «мирового жандарма», охраняющего «общечеловеческие ценности» и осуществляющего «демократическую смену режима».

Без суверенной России, подкрепляющей своими силовыми ресурсами формирование многополярного мира, мало шансов избежать масштабных вооруженных столкновений. Но если этого не удастся избежать, рассуждения о стратегии развития нашей страны, о выходе из «ловушки» просто теряют свой объект.

Подводя итоги этих соображений, ясно, что поддержание нашего национально-государственного суверенитета – абсолютный императив как по экономическим, так и по более масштабным причинам – необходимое условие нашего экономического роста, выхода из «ловушки», условие «российского прорыва».

Социально-политические риски: «закон де Токвиля» и источники дестабилизации. При обсуждении альтернатив «российского прорыва» невозможно обойти социально-политические риски. В связи с этим следует отметить, что, как показывает анализ большого числа модернизационных проектов, такого рода риски возникают и в результате относительно низких темпов роста, и, напротив, в результате очень высоких темпов социально-экономического развития[46].

Развернутый анализ причин этих факторов будет представлен ниже. Здесь мы ограничимся анализом взаимовлияния «российского прорыва», с одной стороны, и социально-политических рисков, с другой. Это необходимо для того, чтобы оценить системные вызовы и ограничения, связанные с социально-политическими рисками.

Ограничения «*снизу*». Очевидно, что при медленном росте существенно повышаются политические риски. Это связано с тем, что в условиях, когда темпы экономического роста, повышение роста благосостояния отстают от растущих ожиданий активных слоев и групп населения, «закипает» их нетерпение (именно на «среднем» уровне развития эти слои и группы довольно многочисленны).

Как показывает исторический опыт, этим слоям и группам чаще всего нет дела до реальных социально-экономических и политических возможностей исполнения их желаний: «нет, нет, нет, мы хотим сегодня, нет, нет, мы хотим сейчас».

Напор этих ожиданий, их социально-политическая проекция – важный источник напряжений. Этот напор – барьер для взвешенных решений и питательная среда для политического популизма. Для многих безответственных политиков – большое искушение использовать эти настроения для восхождения на политический Олимп. В полный рост встает «закон де

[46] Обзор соответствующих теоретических проблем представлен в: Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию.

Токвиля»: социально-политические кризисы – результат растущих и нереализованных ожиданий[47]. Соответственно, императив нашего развития: высокие темпы и органичное развитие.

Здесь важно отметить, что только высоких темпов роста недостаточно. Здесь важны также условия восприятия соответствующими слоями и группами сути происходящего, социально-экономических, политических и, что не менее важно, духовно-нравственных изменений. Это, в свою очередь, означает, что парирование негативных последствий «закона де Токвиля», кризиса социально-экономических ожиданий не может ограничиваться экономическим измерением и, соответственно, экономическими реформами. В наше поле зрение попадают и программы, проекты, связанные с формированием у активных слоев и групп адекватных представлений о происходящих изменениях.

В этом смысле в нашем обществе реализуется малоосознаваемая догма либерализма, что люди в своем большинстве способны к адекватной рефлексии происходящих социально-экономических и социально-политических процессов. Однако непредвзятый взгляд позволяет увидеть, что даже образованные слои и группы, казалось бы, предрасположенные к рациональному анализу соответствующих процессов, оказываются подверженными влияниям «кривого зеркала» СМИ и тем более блогосферы.

Их значимые ценности могут кардинально расходиться со столь же значимыми социально-экономическими интересами. Эта коллизия – источник разного рода социально-политических напряжений. Для примера достаточно вспомнить, что важным участником социально-политических потрясений конца 1980-х – начала 1990-х гг. была научно-техническая интеллигенция. Но она же и стала основной жертвой последующих «радикальных экономических реформ».

Ограничения «сверху». Значительные социально-политические риски возникают и по ходу очень быстрых структурных изменений. Высокие темпы экономического роста, необходимые для выхода из «ловушки», для «российского прорыва» неизбежно связаны с большими структурными изменениями как в экономике, так и в обществе в целом.

Масштабные структурные изменения всегда имеют социальные измерения. С рынка труда исчезают отдельные профессии, им на смену приходят новые. Соответственно, меняется социальная структура. Возникают кризисные социально-политические реакции слоев и групп, сходящих с экономической сцены, но объяснимо защищающих свои права и активизирующих свое политическое присутствие. Здесь достаточно вспомнить шахтеров, стучащих касками, на мосту перед Белым домом.

Социально-политическое влияние слоев и групп, теряющих в ходе даже сколь угодно позитивных преобразований, может быть гиперболизировано, использовано в своих целях политическими силами, теряющими свое влияние в ходе перемен, а также просто инспирированными «внешними» силами, не заинтересованными в успехе «российского прорыва».

Меняются также структурные направления потоков инвестиций, структура секторов экономики. Соответственно, меняются расклады в политико-экономических влияниях, их проекции в «коридорах власти». В ходе структурных реформ практически неизбежна и их пространственно-географическая проекция. Растет вклад одних регионов, снижается – других. Это, в свою очередь, означает, что в условиях быстрых перемен неизбежно растет политическая конкуренция между политическими представителями регионов. Во многих странах рост конкуренции между «успешными» и «кризисными» регионами не раз останавливал ход потенциально успешных преобразований.

---

[47] Это название автор дал устойчивым причинно-следственным взаимосвязям между нереализованными ожиданиями, с одной стороны, и политическими кризисами, с другой. Название – знак признания заслуг большого консервативного мыслителя Алексиса де Токвиля, который впервые отметил эту взаимосвязь.

Следовательно, необходимым условием успеха «российского прорыва» является прогнозирование последствий и мониторинга хода социально-экономических и социально-политических изменений, связанных со структурными переменами, неизбежными при реализации целей и задач «российского прорыва». Но это, в свою очередь, означает, что успех «российского прорыва» обусловлен пониманием причинно-следственных связей между социально-экономическими изменениями, осуществляемыми в ходе реформ «российского прорыва», с одной стороны, и их социально-политической проекцией, с другой. Этот тезис ведет нас к анализу макросоциальных процессов, создающих достаточно прочную внешнюю рамку, обусловливающую обсуждаемые взаимосвязи.

Однако приходится с грустью констатировать, что сегодня этой стороне преобразований уделяется не то что недостаточное, но просто ничтожное внимание. Сегодня даже не ведется сколько-нибудь масштабной теоретической дискуссии о характере макросоциальных преобразований[48]. Дело ограничивается сугубо идеологизированными спорами, в аргументах сторон даже не присутствует сколь-нибудь фундированная эмпирическая аргументация.

«В 2009 году американский ученый Томас Пепински опубликовал книгу “Экономические кризисы и крушение авторитарных режимов”, в которой попытался ответить на принципиальный для понимания природы таких режимов вопрос. Почему одни более устойчивы к внешним шокам, чем другие? В качестве объекта для изучения Пепински выбрал две страны, ставшие жертвами финансового кризиса 1997–1998 годов: Малайзию и Индонезию. Пепински был знаком с их жизнью не понаслышке: в Йельском университете вместе со степенью по международным отношениям он получил степень по лингвистике со специализацией в малайском языке, потом несколько лет работал в Джакарте и Куала-Лумпуре.

Случай, выбранный Пепински для анализа, можно с точки зрения сходств назвать лабораторным. В 1997 году на Азию обрушилось финансовое цунами (Россия стала его жертвой годом позже), страны региона столкнулись с бегством капитала, девальвацией национальных валют, резким падением уровня жизни, ростом цен, безработицей и политической нестабильностью.

Малайзия и Индонезия, похожие друг на друга как близнецы, отозвались на этот кризис совершенно по-разному. Авторитарный режим индонезийца Сухарто после года борьбы пал под ударами акций протеста. Авторитарный режим малайца Мохамада Махатхира устоял, хоть и понес некоторые потери. Сухарто ушел в отставку в мае 1998 года, а Махатхир успешно пережил острую фазу кризиса и даже выиграл выборы в парламент страны в 1999 году, хотя его партия, Объединенная малайская национальная организация, потеряла около 15 % мандатов.

Обе страны в 1997 году были сырьевыми экономиками с невысоким уровнем жизни, примерно одинаковыми темпами роста ВВП до кризиса. Степень неравенства в Малайзии была значительно выше, чем в Индонезии (значение коэффициента Джини в 1996 году – 49 и 30 соответственно). И Махатхир, и Сухарто были опытными диктаторами; Сухарто правил в Индонезии с 1967 года, Махатхир в Малайзии – с 1981-го. Оба проводили относительно либеральную экономическую политику, которая и обеспечила их странам бурный рост в начале 90-х годов прошлого века. Оба были так или иначе вовлечены в коррупционные сделки.

Барри Вейн, бывший шеф азиатского бюро *The Wall Street Journal*, в своей книге написал, что Махатхир нанес ущерб экономике Малайзии в размере 40 млрд долларов и использовал секретные фонды своей партии, чтобы скупать компании и участки земли для себя и своего окружения.

Сухарто ему ни в чем не уступал, скорее, превосходил: состояние его семьи в 1999 году журнал *Time Asia* оценил в $ 25 млрд. Оба закрывали газеты и давили на СМИ в своих стра-

[48] Мне уже приходилось отмечать, что сегодня теоретические конструкции разрабатываются больше для обличения, а не для аналитического объяснения.

нах, оба репрессировали своих политических противников, оба содержали собственную тайную полицию. Почему один режим рухнул, а другой устоял?

Пепински объясняет этот парадокс так: интересы коалиции разных общественных групп, поддерживавших Сухарто, противоречили друг другу. Когда грянул кризис, Сухарто не хватило денег, ума и терпения, чтобы всех их удовлетворить. Сухарто в 1997 году разрывался между старой буржуазией, по преимуществу состоящей из этнических китайцев и имевшей разнообразные деловые интересы во всех странах Юго-Восточной Азии, и новой буржуазией – местной по происхождению, тесно связанной только с экономикой Индонезии. Одни (старая буржуазия) хотели, чтобы Сухарто не мешал им выводить деньги из страны, другие (новая буржуазия) были уверены, что нужно закрыть границы, заморозить счета и защитить страну от колебаний курса валюты.

Пометавшись из крайности в крайность, Сухарто поставил на китайцев, сохранил свободу передвижения капитала (этого же от него, кстати, требовал Международный валютный фонд), но спровоцировал таким образом погромы в китайских кварталах, антикитайские демонстрации и, как результат, захват здания парламента протестующими и бегство капитала и китайцев в Сингапур, Гонконг, Тайвань и собственно Китай. В результате Сухарто лишился власти.

Интересы коалиции, поддерживавшей Махатхира, были более однородны, поэтому Махатхиру было легче удовлетворить их, справиться с кризисом и выстоять. Малайская буржуазия была монолитна, зависела преимущественно от национальной экономики, нефти и госзаказа и не имела обширных деловых интересов за пределами страны. Денежное предложение в стране контролировал Махатхир и его партия, банки – тоже они; буржуазия же, по сути, представляла собой класс управляющих, которых Махатхир и его соратники наняли для развития экономики.

Махатхиру не пришлось уговаривать буржуазию потерпеть, она понимала, что если диктатор потеряет власть, то его класс в одночасье лишится всего, чем владеет. Махатхир защитил национальную валюту, запретил вывоз капитала, увеличил социальные выплаты и сделал вид, что поделился властью с оппозицией. И выжил.

Как показал Пепински, устойчивость авторитарного режима непосредственно связана со способностью удовлетворять интересы общественных групп, его поддерживающих, даже если их интересы вступают в противоречия друг с другом. Различие между Индонезией и Малайзией заключалось в том, что один диктатор построил себе элиту с нуля, а другой инкорпорировался в уже существующий правящий класс. В кризис выстоял тот режим, чья элита была менее зависима от внешнего мира и менее самостоятельна. Противоречий между теми, кому нужно было помогать, в Малайзии оказалось меньше»[49].

Этот пример призван показать самую тесную взаимосвязь экономических преобразований, с одной стороны, и социально-политических факторов, с другой.

Таким образом, наше общество находится между Сциллой неизбежных значимых социальных изменений, связанных с успехом «российского прорыва», и Харибдой «кризиса ожиданий», действием «закона де Токвиля» в результате срыва или даже замедления с реализацией целей «майских указов».

Соответственно, стратегия «российского прорыва» должна отвечать ряду требований. Прежде всего она должна отвечать требованиям комплексности. Социально-экономические, технологические и организационные преобразования должны учитывать реально существующие макросоциальные ограничения. Анализ большого числа модернизационных проектов показывает, что технократический подход, игнорирующий подобные ограничения, не раз рушил соответствующие проекты буквально на пороге их успешного завершения.

[49] Гаазе К. Гибрид или диктатура. Что определяет устойчивость российского режима // Carnegie. Ru. 15.01.2017.

Это, в свою очередь, требует обеспечивать содержательное взаимодействие между различными направлениями «прорыва», учитывать их взаимовлияние. Например, насущные инновационные преобразования, направленные на повышение конкурентоспособности и эффективности экономики, с неизбежностью будут порождать социально-экономические и социально-политические напряжения. Конечно, это не означает ни отказа от преобразований, ни тем более игнорирования этих рисков. Это лишь требует их предвидения, учета и разработки парирования этих рисков.

Стратегия должна отвечать требованиям надежности, т. е. обеспечивать минимизацию социально-политических рисков, учитывать социально-политические риски, возникающие в ходе социально-экономического развития, включать инструменты, способные парировать или, по меньшей мере, минимизировать соответствующие риски.

При разработке эффективных механизмов реализации задач «российского прорыва» стратегия должна опираться на стимулирующую роль различных сторон социокультурного развития нашего общества. Так, например, в общественном сознании должна быть прояснена тесная связь между инновационным развитием, с одной стороны, и реализацией высокозначимой ценности самореализации, с другой.

Именно эти обстоятельства обусловили то внимание, которое уделено в данной работе теоретико-методологическому обоснованию принципов преобразований. Необходимо выстроить теоретическое понимание, как связаны между собой цели «российского прорыва» (телеология), с одной стороны, и «коридоры возможности» реализации этих целей, обусловленные определенным комплексом условий общественного развития (генетика), с другой. Таким образом, необходимо проанализировать, как связаны между собой эти явно противоречивые принципы общественного развития, как можно обеспечить выполнение требований каждого из этих принципов на основе определенного соотношения телеологии и генетики при разработке стратегии «российского прорыва».

Очевидно, что для решения указанной проблемы прежде всего важно разобраться в содержании каждого из этих принципов развития, выявить основание каждого из них, определить социально-исторические условия, при которых осуществляется выбор того или иного принципа развития.

Глава 2. Вечная проблема. Телеология или генетика: как выбрать верный курс?

Как уже отмечалось выше, выработка реалистичной стратегии «российского прорыва» должна основываться на ясно понимаемых и надежных принципах. Соответственно, нам необходим анализ теологии и генетики, их преимуществ и недостатков, а также возможности выработки их приемлемого соотношения.

Выше уже обсуждалось, что успех преобразований скорее всего невозможен на пути безоглядной реализации целей, оторванных от конкретных условий их реализации. Напротив, вряд ли возможно опираться лишь на «инерционный», примитивно «генетический» путь преобразований. Это лишь сужает «коридор возможного», ограничивает темпы и масштаб преобразований и, в частности, как это отмечалось выше, с большой степенью вероятности запускает действие «закона де Токвиля» с его катастрофическими последствиями.

Все эти соображения обусловливают то внимание, которое в представляемой работе уделено анализу принципов, на основе которых возможна разработка эффективной стратегии и, соответственно, также эволюции взглядов, связанных как с телеологическими, так и с генетическими ориентирами.

Вообще, спор между сторонниками теологии и генетики шел почти с того момента, когда возникла социальная рефлексия. Георг Зиммель отчетливо указывал на то, что проблема соотношения телеологии и генетики уходит буквально в «глубину веков». Анализируя появление телеологии (генетика, понятно, самозарождалась стихийно), он писал: «…право в начале своего развития было, в сущности, направлено на сохранение “мира” и прежде всего на предотвращение для общественной угрозы индивидуального насилия и не менее насильственной индивидуальной защиты: действие права как орудия мира заслоняло – так это выражали – его действия как орудия справедливости. Общность хочет жить, и, исходя из этого желания и в качестве средства, оно создает формы, регулирующие жизнь отдельного человека. Это еще полностью остается в телеологии общей жизни, совершенно так же, как поведение в индивидуальной жизни регулируется ради ее телеологии, причем здесь и часто посредством принуждения, которое центр личности осуществляет по отношению к периферическим отдельным личностям»[50].

Истоки. Начало рефлексии взглядов сторонников генетики можно вести от Лао-цзы, который предложил идею *дао* – естественный путь вещей, не допускающий какого-либо внешнего вмешательства. «Поэтому совершенно мудрый говорит: “Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам будет самоисправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым; если я не имею страстей, народ становится простодушным”»[51]. «Когда устранили великое *дао*, появилось “человеколюбие” и “справедливость”. Когда появилось мудрствование и ученость, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются “сыновняя почтительность и отцовская любовь”. Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются “верные слуги”»[52].

Наиболее ранние взгляды, которые можно отнести к зарождению телеологии, к нормативным представлениям, легко увидеть в «Гуань-цзы»: «[Если же] управлять страной, не имея закона, то тогда народ организуется в группы и союзы; находясь в сообщничестве, низы мошенничают, чтобы достичь личной [выгоды]. [А если] система законов отличается постоянством,

[50] Зиммель Г. Созерцание жизни. Цит. по: Правовая мысль: Антология. М.: Деловая книга, 2003. С. 754.

[51] Дао дэ цзин, http://www.abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0001.pdf

[52] Дао дэ цзин, http://www.abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0001.pdf

то тогда народ не разбредается, а объединяется с верхами и исчерпывает [все свои] чувства, чтобы преподнести [им] свою преданность. Тогда [можно] не рассуждать о знаниях и способностях, государственные дела налаживаются, страна освобождается от страданий, сановники справляются со своими обязанностями, [можно] не рассуждать о мудрости и проницательности, выдвигаются люди достойные, вероломные и фальшивые наказываются, наблюдающих и подслушивающих [осведомителей] – множество[53].

Параллельно к источникам телеологии, непосредственно связанным с иным, по сравнению с «генетиками», пониманием принципов развития, можно отнести конфуцианство. «Цзыгун спросил об управлении государством. Учитель ответил: “В государстве должно быть достаточно оружия и народ должен доверять правителю”. Цзыгун спросил: “Чем прежде всего из этих вещей можно пожертвовать, если возникнет крайняя необходимость?” Учитель ответил: “Можно отказаться от оружия”. Цзы-гун спросил: “Чем прежде всего можно пожертвовать из оставшихся двух вещей, если возникнет крайняя необходимость?” Учитель ответил: “Можно отказаться от пищи. С древних времен еще никто не мог избежать смерти. Но без доверия народа государство не сможет устоять”»[54]. Здесь отчетливо виден акцент на социальные условия прочного государственного функционирования, интегральным выражением которых как раз и выступает доверие. Одновременно следует обратить внимание на различие в понимании источника этого доверия. Но важно отметить, что оба этих взгляда опирались на религиозный авторитет как источник легитимации статуса соответствующих воззрений.

На другом краю Ойкумены примерно в это же время Демокрит создавал собственные генетические представления: «Веленья законов надуманны, тогда как веленьям природы присуща внутренняя необходимость. Вдобавок веленья законов не суть нечто прирожденное, но результат соглашения, тогда как веленья природы, суть нечто прирожденное, а не результат соглашения[55]. Здесь следует обратить внимание на то, что «результат соглашения» Демокрит относил к процессам, генетическим по своему происхождению.

Наиболее ясно оппонирующую концепцию телеологического развития представил Платон, обосновавший, что источником нормы государственного функционирования должны стать концептуальные представления философов: «Пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государство и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди – а их много, – которые стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государство не избавится от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно»[56]. Здесь следует обратить внимание на то, что Платон рассматривает знания и разум в качестве достаточно надежного источника для выработки целей государственного развития.

Для нашего обсуждения важно также обратить внимание на сохраняющееся до настоящего времени убеждение о пользе правления «просвещенного государя», вдохновленного учителями – «философами». Эта концепция доминировала в эпоху Просвещения.

Здесь следует обратить внимание на то, что тогда, да и по сию пору не различается аналитическая рефлексия реально идущих социальных процессов, с одной стороны, и концептуализация, основанная на априорно сформулированных логических построениях, с другой.

Генетические взгляды на развитие государства и общества (как и вообще взгляды на все сущее) развил Аристотель: «Общество, состоящее из нескольких селений, есть совершен-

[53] Гуань-цзы, http://zhendaopai.org/daosskie-glavyi-guan-tszyi/

[54] Лунь юй.

[55] Демокрит. Малый диакосмос, http://simposium.ru/ru/node/9954

[56] Платон. Государство. М.: АСТ, 2006. С. 14.

ное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичного общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта – возьмем, например, природу человека, коня, семьи – то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием»[57].

Если развивать взгляды Аристотеля, то для эффективного государственного функционирования «всего-навсего» необходимо раскрыть закономерности «естественного возникновения» человека, семьи, государства. Но, как оказалось, «раскрыть» это очень непросто.

При рассмотрении принципов развития невозможно обойти и качественно иное измерение ориентиров этого развития. Ориентацию не на посюсторонние, а на потусторонние, «небесные» цели. Следует ясно понимать (что совсем непросто в условиях современного сознания), что многие века многие миллионы людей были готовы жертвовать условиями своей жизни, да и самой жизнью ради «царства небесного».

Игнорировать эти высокие устремления реальных людей и их готовность ради них переносить страдания сомнительно с точки нравственности, да и неосмотрительно. Третирование такого рода устремлений всегда остро переживается их сторонниками. Это, как показывает история, не раз приводило к разрушительным последствиям. Нет ничего страшней религиозных войн или же современных ипостасей такого же рода конфликтов.

О коллизиях этих устремлений писал Блаженный Августин – глубокий мыслитель, положивший, как представляется, начало всей европейской политической мысли: «Земной град, который верою не живет, стремится к миру земному и к нему направляет согласие в управлении и в повиновении граждан, чтобы относительно вещей, касающихся смертной жизни, у них был до известной степени одинаковый образ мысли и желаний. Град же небесный или, вернее, та часть его, которая странствует в этой смертности и живет верою, поставлен в необходимость довольствоваться и таким миром, пока минует самая смертность, для которой он нужен»[58].

При всем огромном уважении автора к тем, кто живет подвижнической жизнью ради «града небесного», сложившемся в результате повседневного общения с религиозной общественностью, видными теологами, в данной работе нет возможности более подробно рассматривать этот круг принципов[59].

Но ради справедливости следует добавить, что «российский прорыв» – необходимое условие реализации своих желаний и для приверженцев стремления «к царствию небесному». Наша собственная история показывает, что глубокий национальный кризис – почти неизбежная альтернатива «российскому прорыву» – вряд ли окажется благоприятным временем для благостной религиозной жизни. Для религиозного фанатизма, быть может, но для подлинно религиозной жизни вряд ли.

Оппозицией такого рода устремлениям к установлению на Земле принципов «царствия небесного» со временем стали выступать рациональные конструкции.

Здесь уместно привести слова Гоббса – основоположника этого умозрения, на авторитет которого ссылаются и по сию пору: «Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части

---

[57] Аристотель. Политика. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 378.

[58] Аврелий Августин. О граде Божием // Августин Аврелий. Творения: В 4 т. Т. 4: О граде Божием. Кн. XIV–XXI. СПб.: Алетейя, 1998. Кн. XVIII. С. 439.

[59] Автор с 2014 г. является председателем Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений.

его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом.

Естественный закон (lex naturalis) есть предписание или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и упускать то, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни»[60].

Следует обратить внимание на то, что вся эта система размышлений базировалась на том, что в основе человеческой природы лежит его разум. Важно также указать на то, что основополагающие философские концепции того периода довольно строго ориентировались на принцип монизма[61]. Здесь можно указать на тот парадокс, что антиклерикально настроенные мыслители следовали принципу, сформированному под влиянием иудео-христианского философского сознания, последовательно отстаивавшего принципы монизма и рассматривавшего отступление от него как интеллектуальную слабость.

Но уже в период эпохи Просвещения, в рамках общего нормативного тренда этой эпохи, связанного с тотальной апелляцией к разуму, получили развитие взгляды, выходящие за рамки монизма и связанные, наряду с разумом, с большим количеством разнообразных, как мы сегодня сказали, генетических факторов. Так, Монтескье писал: «Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более чем частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными для другого народа…

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, – качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям, наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются» [62].

Эти соображения Монтескье продвигают нас к необходимости более широкого понимания комплекса условий, в которых формируются ценности и нормативные представления.

Вершиной представлений, связанных с последовательной ориентацией на роль разума в выработке нормативных представлений, принято считать взгляды Иммануила Канта: «Понятие свободы – это чисто понятие разума, которое именно поэтому трансцендентно для теоретической философии, т. е. ему не может соответствовать ни один пример из возможного опыта; следовательно, оно не составляет предмет возможного для нас теоретического познания и имеет значение вовсе не как констуитивный, а только как регулятивный принцип, а именно как чисто негативный принцип спекулятивного разума; в практическом же применении разума оно доказывает свою реальность при помощи практических основоположений, которые в качестве законов доказывают причинность чистого разума независимо от всех эмпирических условий определения произвола (от чувственного вообще) и наличие в нас чистой воли, в которой берут свое начало нравственные понятия и законы»[63].

---

[60] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 94.

[61] Монизм (от *др.-греч.* μόνος – один, единственный) – философское воззрение, согласно которому разнообразие объектов в конечном счёте сводится к единому началу или субстанции, см.: ru.wikipedia.org

[62] Монтескье Ш.Л. Избр. произведения. О духе законов. Гл. III: О положительных законах, http://e-libra.ru/read/314288-izbrannie-proizvedeniya-o-duhe-zakonov.html

[63] Кант И. Метафизика нравов: В 2 ч. // Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965 (Серия: Философское наследие). Т. 4. Ч.

В нашем анализе трудно пройти мимо взглядов К. Маркса, продолжающих оказывать свое влияние на природу нормативных представлений: «В отношении каждой отдельной личности обнаруживается, чем является здесь всеобщий закон. Гражданское общество и государство оторваны друг от друга. Следовательно, и гражданское общество оторвано от гражданина как члена гражданского общества. Человеку, таким образом, приходится подвергнуть самого себя существенному раздвоению. Как действительный гражданин он находит себя в двойной организации: в бюрократической, – она представляет собой внешнее формальное определение потустороннего государства, правительственной власти, не затрагивающей гражданина и его самостоятельной действительности, – и в социальной, в организации гражданского общества»[64].

Здесь следует обратить внимание на постулирование фундаментального разрыва между государством, с одной стороны, и гражданским обществом, с другой. В то же время здесь уже можно видеть истоки последующих социологических воззрений, связанных с дифференциацией ролевых установок личности, в частности, различных ее ролей в рамках государства и гражданского общества.

Развитие социальной мысли на рубеже XIX и XX вв. привело к появлению взглядов, когда прежние оппозиции перестали быть основополагающими, когда стала возможной критика абсолютизации роли разума. Так, В. Ключевский оппонировал этому умозрению: «Человеческое общежитие создается не одними потребностями разума; едва ли естественно подчинять все силы деспотизму одного из них и едва ли человечество можно превратить в логический прибор или пустынь с философским уставом»[65].

При обсуждении телеологических представлений было бы странным представлять их развитие в качестве единой магистрали. Здесь так же, как и при формировании телеологических концепций, присутствовали теоретические конструкции, основанные на спекулятивных представлениях, граничащих с мифологизацией источников норм общественного функционирования. В качестве их примера можно обратиться к взглядам М.А. Бакунина, который выступал жестким оппонентом философскому мейнстриму своего времени: «Для предупреждения недоразумений считаем, однако, необходимым заметить, что то, что мы называем идеалом народа, ничего не имеет подобного с теми политически-социальными схемами, формулами и теориями, выработанными помимо народной жизни досугом буржуазных ученых и полуученых и предлагаемыми милостиво невежественной толпе как необходимое условие их будущего устройства…

Наука, самая рациональная и глубокая, не может угадать формы будущей общественной жизни. Она может определить только отрицательные условия, логически вытекающие из строгой критики существующего общества. Таким образом, социально-экономическая наука при такой критике дошла до отрицания лично-наследственной собственности и, следовательно, до отвлеченного и, как бы сказать, отрицательного положения собственности коллективной, как необходимого условия будущего социального строя. Таким же путем дошла она до отрицания самой идеи государства и государствования, т. е. управления общества сверху вниз, во имя какого бы то ни было мнимого права, богословского или метафизического, божественного или интеллигентно-ученого, вследствие того пришла к противоположному, а потому и отрицательному положению – к анархии, т. е. самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их волной федерации между собой снизу вверх, не по приказанию какого бы то начальства, даже избранного, и не по указаниям какой-либо ученой теории,

2. С. 129.

[64] Маркс К. Критика гегелевской философии права, см.: https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf

[65] Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 202.

а вследствие совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самой жизнью»[66].

Следует прежде всего оценить высокие стремления без преувеличения великого мыслителя найти прочные основания для пути в «царство свободы». Одновременно, разделяя его сомнения относительно значения умозрительных конструкций, следует все же поставить под вопрос о тех, как мы бы сказали сегодня, институциональных механизмах, посредством которых будет осуществляться «развитие всякого рода потребностей». И неясно также, почему государство, кстати говоря, как это видно из истории, созданное потребностями жизни, включая необходимость, в частности, решать неустранимую проблему ограниченности ресурсов, исключается из этих априорных представлений. Здесь последовательный оппонент права вынужден будет полагаться на априорно задаваемую рациональную способность всех договариваться со всеми, исключающую при этом какие-либо конфликты. Эта конструкция предполагает гораздо более высокие требования и к разуму и к морали, чем концепция «общественного договора» Ж.-Ж. Руссо. Здесь мы сталкиваемся уже не с преувеличенной ролью разума, а с его абсолютизацией и мифологизацией.

Одной из ключевых проблем в нашем обсуждении является соотношение влияния внешних условий (в иных концепциях – влияние структуры), включая сюда сформированные в обществе нравственно-этические основания, с одной стороны, и свободу воли, с другой. Здесь уместно привести мнение Ф.М. Достоевского: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу. Делая же человека зависимым от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»[67].

Можно, конечно, упрекнуть великого писателя за преувеличение роли свободы воли, за полное отрицание влияния внешней среды, за отождествление индивидуальных, преимущественно психологических отношений с макросоциальными процессами. Но все же для нашего обсуждения важно отметить, что нравственный и, следовательно, неизбежно пристрастный взгляд с сомнением относится к теориям, рассматривающим внешние (прежде всего политические, экономические и социальные) влияния в качестве доминирующих.

Но одновременно полный отказ от учета такого влияния с неизбежностью влечет за собой доминирование телеологического взгляда на характер общественного развития.

Для нашего обсуждения о принципах общественного развития важны также размышления К. Победоносцева относительно оснований идеологического водораздела между основоположниками современных телеологических представлений, которыми, безусловно, были философы эпохи Просвещения, и их консервативными критиками. «Много зла наделали человечеству философы школы Ж.-Ж. Руссо. Философия эта завладела умами, а между тем вся она построена на одном ложном представлении о совершенстве человеческой природы и полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия проповедовала.

На том же ложном основании стоит и господствующее ныне учение о совершенствах демократии и демократического правления»[68].

Схожие мысли высказывал К.П. Победоносцев в своей известной статье «Великая ложь нашего времени». Обычно при упоминании его имени всплывают в памяти «совиные крыла», которые он простер над Россией. Но для того чтобы обратиться к нему как значимому автори-

---

[66] Бакунин М.А. Государственность и анархия, см.: http://www.rulit.me/books/gosudarstvennost-i-anarhiya-read-258274-104.html

[67] Достоевский Ф.М. Из «Дневника писателя». 1873 // Достоевский Ф.М. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 320–321.

[68] Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 229.

тету, важно учесть мнение безупречного для всех А.Ф. Кони, который, как видно из его мемуаров, считал Победоносцева своим учителем.

Предметом, на котором К.П. Победоносцев проводил свой анализ, был парламентаризм, его реализация в теории и на практике: «Механизм – в идее своей стройный, но для того чтобы он действовал, необходимы некоторые существенные условия… И этот механизм мог бы успешно действовать, когда бы доверенные от народа лица устранились бы вовсе от своей *личности;* когда бы на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа; когда бы министры явились бы тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда бы притом представителями народа избираемы были всегда лица, способные уразуметь в точности и исполнять добросовестно данную им математически точно выраженную программу действий. Вот при таких условиях действительно машина работала бы исправно и достигала бы цели»[69].

В этих соображениях ясно прослеживается связь эффективности функционирования социальных институтов и, соответственно, реализации задач развития, с одной стороны, и социальных условий этого функционирования.

Для понимания истоков воззрений, критикуемых этими двумя незаурядными мыслителями, следовало бы заметить, что философы эпохи Просвещения, а затем и И. Кант действовали в конкретных исторических условиях, когда до этого аргументы с позиции Разума были не в чести. Более привычными были устоявшиеся умозрения, основанные на верности религиозным традициям и границам, установленным устоявшимися сословными рамками.

Великим мыслителям, открывавшим человечеству новые горизонты, нужно было прежде всего ликвидировать устоявшиеся стереотипы сознания, паутину мифов, о значении которых сегодня вспоминают лишь серьезные исследователи. В таких условиях, как представляется, для успеха, плодами которого мы сегодня пользуемся, была необходима энергичная пропаганда, способная захватить воображение и умы будущих последователей. Но просветители в своей пропаганде, как это почти всегда и бывает с пропагандой, вышли далеко за пределы своей исторической миссии, связанной с установлением роли разума в качестве важного средства познания реальности.

Результат – абсолютизация роли разума – совсем не их вина. Эта ответственность лежит на их недалеких последователях, которые оказались неспособны соотнести перемены исторического контекста с актуальностью воспринятого наследия. Они превратили наследие великих мыслителей в псевдорелигию, положения которой уже не нуждаются в осмыслении. Это относится к разным ветвям наследия просветителей, включая сюда как «либералов», так и советских «марксистов».

При обсуждении концепций, задававших магистраль представлений, связанных с соотношением телеологии и генетики, невозможно обойти марксизм. Почти догмой является представление о тотальном телеологическом характере «коммунистического переворота», его стремлении к насильственному воплощению в жизнь «коммунистической мифологии». Автор в свое время также отдал дань таким представлениям[70].

Стереотипом также является точка зрения, что марксизм построен на последовательной ориентации лишь на материальные факторы – индивидуальные и классовые интересы, реализация которых рассматривалась в качестве нормы, требовавшей воплощения ее требований. Однако здесь важно отметить также, что это не совсем точно.

Так, при анализе факторов, привнесенных марксизмом в теорию, Э. Бернштейн выделял *интерес,* но им не ограничивался. Он задал и иной вопрос: «Какие “идеальные силы” истори-

[69] Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени // Победоносцев К.П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 221.

[70] Дискин И.Е. В путах возомнившего разума // Общественные науки и современность. 1990. № 4. С. 5–21.

ческий материализм признает справедливыми движущими силами социалистического движения?

Прежде всего, конечно, интерес. На первый взгляд, название интереса идеальным фактором, может, покажется игрой понятиями. Но, во-первых, для того, чтобы интерес служил движущим мотивом для присоединения к известному движению, он должен быть *сознательным;* индивид должен иметь *идею* о своем интересе для того, чтобы решиться на соответствующее ему действие; во-вторых, речь идет о посредственном, а не чисто личном интересе. Это даже не профессиональный интерес, но интерес всего *класса*, и охранение его требует, по крайней мере, временного пожертвования *личными* выгодами. Таким образом, интерес, который предполагает марксизм, тесно связан с *социальным* и *этическим* элементом и в этом смысле является не только *интеллектуальной,* но также и моральной – коротко – идеальной силой»[71].

Сегодня уже получили свое развитие представления, что формирование нормативных представлений, которые легли в основу революции, носило синтетический характер, в котором, наряду с марксистской догматикой, немалую роль сыграли культурно-исторические предпосылки отечественного развития. Эти представления имели свою историю.

Здесь для нашего дальнейшего обсуждения следует выделить связь целей развития, которыми руководствуются следующие им люди, слои и группы, наконец, классы, с одной стороны, и нравственных представлений этих социальных общностей, социальных условий их жизни, с другой.

Вопрос о соотношении телеологии и генетики вполне отчетливо ставил Питирим Сорокин. Здесь сказывалась его доминирующая социологическая методологическая ориентация. Питирим Сорокин, безусловно, сторонник генетического подхода: «Чувственное право представляет собой совершенно иную картину. Оно рассматривается чувственным обществом как созданное человеком, в действительности же является инструментом подчинения и эксплуатации одной группы другой. Его цель исключительно утилитарна: сохранение человеческой жизни, охрана собственности и имущества, счастья и благополучия общества в целом и господствующей элиты, которая устанавливает и проводит в жизнь чувственный закон, в частности. Его нормы относительны, изменяемы и условны: ряд правил, целесообразных при одних обстоятельствах или для одной группы людей, становится бесполезным или даже вредным при иных обстоятельствах для другой группы лиц»[72].

Подводя итоги нашего обзора оппозиции концепций развития, следует отметить, что *телеология* чаще всего была связана с поиском путей реализации высоких стремлений к свободе, счастью, справедливости. При этом далеко не всегда приверженцы этих воззрений уделяли достаточно внимания источникам происхождения нормативных представлений, которые должны были стать целью их воплощения.

Предметом озабоченности *генетиков* был прежде всего анализ условий, при которых осуществляется общественное развитие. При этом вопрос о целевых ориентирах развития часто оставался за пределами их рассмотрения.

Рассматривая телеологические концепции, уместно указать на принципиальное различие источников соответствующих норм, выступающих целью развития. В течение многих веков, если не тысячелетий, важнейшим источником были догматы соответствующих религий. Религиозное сознание, как уже отмечалось, было прочным источником легитимности телеологического подхода. Даже тогда, когда телеологические ориентиры, как мы видели, постепенно отходили от непосредственной связи с религиозными догматами, они привычно получали дополнительную легитимность, так как рассматривались как подходы, ясно и непосредственно ориентированные на четко сформулированные моральные принципы.

---

[71] Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб., 1902. С. 258–259.

[72] Сорокин П.А. Кризис нашего времени, цит. по: Правовая мысль. Антология. М.: Деловая книга, 2003. С. 731.

В этом смысле генетические подходы в определенной мере проигрывали телеологическим из-за менее прозрачной связи между генетическими подходами, с одной стороны, и их нравственными обоснованиями, с другой. При этом, как будет показано ниже, эта связь не менее, а, как представляется, еще более прочна.

На начальном этапе рефлексии оснований своего существования жизнь земная рассматривалась лишь как преддверие, как условие спасения в жизни небесной (пример: верования викингов с их стремлением попасть в Валгаллу). Ценность самой по себе земной жизни была довольна низка. В силу этого нормы земной жизни полностью определялись религиозными требованиями, содержавшими условия спасения. Исполнение нормативных требований, естественно, выступало отдельной проблемой, также урегулировавшейся соответствующими религиозными нормами. В силу этого генетические воззрения выступали, скорее, уступками несовершенству человеческой природы. Телеология, соответственно, выступала доминирующим подходом.

Ярким примером стратегии развития, ориентированным на воплощение в жизнь религиозных представлений, являлся проект создания в Парагвае государства иезуитов [73]. По замыслу его основателей этот проект был призван соединить строгие религиозные требования с набиравшими в то время силу идеями гуманизма. Критики социализма указывали на то, что этот проект был первым примером тоталитаризма, а его сторонники длительное время обращали внимание на плодотворность соединения ценностей социализма и укоренения веры для создания прочного социального фундамента.

По мере рационализации и рефлексии условий социальной и экономической жизнедеятельности возникало осознание, что даже устроение повседневной жизни (монастыри здесь не в счет), соответствующее требованиям спасения, предполагает учет реальных условий этой жизни и, соответственно, уступок этим условиям. Преобладающим оставался подход, когда нормы земной жизни должны осуществляться по строгим правилам царствия небесного. При этом земная жизнь по своему статусу все равно остается гораздо ниже, чем жизнь вечная. Соответственно, генетический взгляд начинает получать определенную значимость, хотя и существенно меньшую, чем телеологический.

Наконец, эпоха Просвещения сделала радикальную попытку повышения, более того, легитимации статуса земной жизни, вплоть до отрицания загробной, вечной жизни, квинтэссенцией чего стали усилия построить земное существование на основе принципов Разума, тотального рационального расчета.

Руссоистская концепция рационального эгоизма по сию пору лежит в основе концепций гражданского права и мейнстрима экономической науки. Соответственно, эта проблема трансформировалась в секулярные представления об ориентациях жизни на социальные ценности, с одной стороны, и интересы, с другой. При этом в течение XVIII–XX вв. общим трендом, характерным прежде всего для либеральной мысли, являлось повышение значимости интересов.

Логичным выражением этого тренда стало появление марксизма, выросшего, как известно, из радикального либерализма.

Марксизм в его опошленном и примитивном изводе предстает в качестве воззрения, опиравшегося на доминирование экономических интересов. Критики марксизма жестко указывали на эту его сторону: «Позитивизм и материализм отрицают ответственность, свободу,

[73] «Государство» иезуитов в Парагвае (1610–1768) почти с самого начала существования привлекало к себе внимание общественности, став предметом исследования большого числа ученых, социальных теоретиков, позднее этнологов. В XVIII в. его изучали французские философы, считая его идеальным обществом; в начале XIX в. романтисты видели в этом «государстве» «расцвет прекрасных дней нового христианства»; в конце XIX столетия его брали за образец британские социалисты. См.: https://www.indiansworld.org/Articles/gosudarstvo-iezuitov-v-paragvae.html#.W5ZUnvln3IU

творческую волю, отрицают человека и строят безвольную теорию социальной среды и власти необходимости, могущества внешних обстоятельств»[74].

Соответственно, проблема телеологии и генетики раздвоилась. С одной стороны, «телеология» сохранила свою первоначальную диспозицию: устроение «идеального» мира против уступок его несовершенству.

С другой, практической, она сохранила свою задачу воплощения нормативных идеологических конструкций. Здесь задача «телеологии» – противостоять подходу, связанному с решением насущных проблем, выявленных в ходе анализа противоречий развития, который отстаивала «генетика».

Следует отметить, что все «большие» социальные теории, будь то либерализм, социализм, коммунизм, носили последовательно нормативный характер. Они все исходили из того, что общество может быть основано на единой системе ценностей и представлений. Более того, эти ценности и представления являются имманентно присущими человеку.

Разница состояла в том, что либерализм считал, что достаточно освободить человека от гнета и предрассудков, а социализм и в особенности коммунизм настаивали еще и на воспитании, которое обеспечит интериоризацию соответствующих ценностей и представлений. При таком взгляде видна прямая наследственная связь этих теорий с религией, которая также обращалась к абсолютным, внеисторическим и внесоциальным ценностям и представлениям.

Следует обратить внимание на то, что основные научные концепты, лежащие в основе функционирования современного государства и его экономики, носят последовательно нормативный характер, являются производными от телеологических представлений. За столетия сложилась прочная телеологическая конструкция, подпитывающая соответствующие идейно-политические представления.

В рамках этой логики становится понятным изменение статуса самой либеральной идеологии. После мировой «либеральной» революции 1968 г. либерализм достаточно быстро превратился в «светскую религию», нормы которой стали рассматриваться в телеологических основаниях развития большинства западных стран. Эти нормы охватывали по преимуществу «верхние», политические этажи государственных зданий соответствующих стран. При этом генетическая составляющая сохранила свой статус на «экономических» и «социально-бытовых» этажах.

Примечательна борьба между телеологией и генетикой при решении социальных проблем. Так, популярная сегодня в ЕС либерализация трудового законодательства несет на себе явный отпечаток телеологических представлений, основанных на «религиозных» нормах либерализма.

Ранее уже отмечалось, что в течение полувека на обобщенном Западе преданность «псевдолиберальной» светской религии во все большей мере становилась критерием в случае вертикальной мобильности отбора, осуществляемого в рамках структур, связанных с истеблишментом. Эти ценности превратились в некий надпартийный консенсус, почти в надконституционные ценности. Именно почти религиозный статус этих «псевдорелигиозных» ценностей обусловливает уровень реакции на слова и действия, которые воспринимаются в качестве посягательства на «святыни».

Представляется, что именно этим можно объяснить характер реакции элит Запада – верной паствы обсуждаемой религии – на позиции президента России. Да и реакция «псевдолиберального» истеблишмента на президента Д. Трампа имеет сходные истоки. Это позволяет характеризовать магистраль развертывающегося на Западе идейно-политического противоборства в качестве своего рода религиозной войны между псевдолиберальной «гражданской» религией, с одной стороны, и приверженцами различного рода традиционных религий, с дру-

[74] Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н.А. Избр. труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 97.

гой. При таком понимании избрание Д. Трампа – восстание христианской Америки против диктата «псевдолиберального» истеблишмента.

В то же время у значительной части контрэлит обобщенного Запада не исчезали настроения, связанные с ориентацией на интересы как локальные, так и национальные. Тем более что эти настроения еще более характерны для элит развивающихся стран, где осознание национальных интересов тесно переплетено с идеологическими настроениями, привычно относимыми к национализму – позорному «клейму» «псевдолиберальных» глобалистских элит.

Это отступление было необходимо, чтобы выявить современную политическую, более того, геополитическую проекцию давнего спора между сторонниками двух различных принципов развития.

Следует отметить, что доминирование телеологических идейно-политических конструкций подрывается глобальными и национальными процессами социально-экономического развития. Усложнение социальной жизни, фрагментирование структуры социально-экономических интересов, их рефлексия ведут к распаду больших общностей, к которым прежде обращались большие социальные концепты.

Сегодня все большее влияние оказывают представления, основанные на индивидуальном и групповом опыте, на «человеческом» измерении процессов развития. Эти генетические в своей основе представления должны были бы стать импульсом для создания альтернативных по отношению к телеологии теоретических конструктов в качестве основы для «генетического права» или «генетической экономики».

Следует указать, что такие попытки были сделаны. К ним, безусловно, следует отнести «понимающую социологию» и «этнометодологию», «социологическую теорию права» и «историческую школу» в экономике. Но современный телеологический мейнстрим отбросил эти достижения социальной мысли.

Причины этого вполне очевидны. Следование теоретическим подходам названных научных направлений сразу же ставило бы под сомнение всю либеральную догматику с ее претензиями на внеисторические, «общечеловеческие» ценности и представления. Соответственно, под ударом оказалось бы сложившееся сегодня доминирование телеологических подходов. Это же, в свою очередь, предполагало бы поистине грандиозные перемены в институциональной системе современной социальной науки с ее прочно устоявшимися иерархиями, взаимоотношениями и, наконец, интересами.

Такая парадигмальная революция возможна лишь под давлением широкого осознания последствий слепого следования телеологическим подходам. Представляется, что современные общественные процессы, в том числе и обсуждаемые в данной работе, создают предпосылки для такой парадигмальной революции.

Преодоление этого доминирования, расширение методологических и теоретических подходов к анализу общественного развития, повышение их адекватности прежде всего предполагают рефлексию базовых различий телеологических и генетических взглядов на соответствующие процессы.

Представляется, что такая рефлексия обсуждаемых различий и разграничений станет необходимой предпосылкой для реинкарнации достижений этих научных направлений.

Одним из проявлений подобного рода теоретической рефлексии можно рассматривать и формирование «новой институциональной экономики», отказывающейся от представлений о тотальной рациональности «экономического человека» и учитывающей его склонности к оппортунистическому поведению и т. п. Более того, автор склонен полагать, что формирование этого упрочивающего свое влияние научного направления является подтверждением тезиса о складывающемся синтезе двух прежде антагонистических концепций.

Таким образом, длительный спор двух концепций развития, безусловно, не может быть просто отброшен. За ним стоят слишком большие и напряженные усилия больших мыслителей.

Но для того чтобы этот спор в должной степени был учтен при выборе стратегии развития, необходимо найти рамки компромисса между этими принципами.

Здесь уместно отметить неоднозначный статус понятия «компромисс», необходимого для дальнейшего поиска путей выработки эффективной стратегии. В нашем отечественном дискурсе зачастую понятие «компромисс» связано с негативными коннотациями, с отказом от принципиальной, единственно достойной позиции. Стереотипом является выражение «стороны вынуждены были пойти на компромисс». Здесь явно видно влияние «телеологических» принципов, характерных для большинства периодов нашего исторического развития.

В других традициях дискурса присутствует иное отношение к этому понятию: «стороны достигли компромисса», т. е. взаимоприемлемого баланса своих целей и интересов. Таким пониманием, тесно связанным с «генетическим» подходом, мы и дальше будем руководствоваться при использовании этого понятия.

Российский опыт: стремление к прорыву против предостережений реалистов. Спор между сторонниками телеологии и генетики не обошел и наше Отечество. Наше обсуждение лишь очередной виток долгой российской дискуссии о соотношении этих двух принципов. Одной из причин, по которым эта дискуссия в нашем обществе приобрела особо острый характер, являлся высокий статус нравственных принципов, который они постепенно приобретали со второй половины XVIII в. Замечательный анализ этого процесса был проведен С. Экштутом[75].

В качестве яркого примера социальной рефлексии соотношения двух принципов уместно привести пример продвижения Екатериной Великой положений своего Наказа, обернувшегося жестким столкновением доктринерской политики с реальной жизнью. Вдохновленная идеями Просвещения, Екатерина II, собирая выборных в Комиссию, была убеждена, что «Слово мудреца» дошло до престола Екатерины, до него дойдут и «тайные желания народа». Но «наказы», привезенные с собой депутатами из провинции, спустили Екатерину с небес на землю. На этой земле она все прочнее укреплялась по мере того, как развертывалась перед ней поставленная ею пьеса. Прошло немного времени и Наказ (вдохновленный идеями Беккариа) начал ей представляться «болтовней»[76].

Вопреки распространенным стереотипам, наши монархи не были «недоучками», не понимавшими необходимости решения «крестьянского вопроса», реформирования крепостного права. Скорее, они хорошо помнили формулу «правление в России есть самодержавие, ограниченное удавкою», принадлежащей писательнице Жермене де Сталь. «Генетическая» озабоченность политическими последствиями реакции высших слоев на планируемые преобразования обусловила то, что Николай I не выносил данную проблему на широкое обсуждение, а создавал для выработки такого рода проектов «секретные комитеты», а Александр Освободитель принял компромиссную формулу реформ, воспринятую «прогрессивной общественностью» как «обман» и «ограбление». Но проведенная реформа далеко не была принята и «барами», как справедливо отметил Н.А. Некрасов, она ударила «одним концом по барину, другим по мужику»[77].

Наше общественное мнение, воспитанное на последовательной верности принципам, было крайне далеко от соображения, что хороший закон не только тот, что удовлетворяет всех, но и тот, что равно не удовлетворяет конфликтующие стороны.

Но была и другая, более «генетическая» позиция в отношении проведенной реформы[78]. Крупный государственный чиновник, хорошо знавший все перипетии подготовки реформ,

[75] Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М.: Россия молодая, 1994.

[76] Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры. М.: РОССПЭН. 2010. Т. 2. Ч. III. С. 313.

[77] Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. М.: ЭКСМО, 2018.

[78] Салтыков М.Е. Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу. Революция против сво-

писал: «Припоминая всю горечь условий, в которых они (крестьяне. – *И. Д.*) находились доселе, и взвешивая те последствия, которые влечет за собою для них нынешняя реформа, невольным образом спрашиваешь себя: возможно ли, естественно ли, чтоб сердца их не раскрылись при вести о новом воскресении, о новом сошествии Христа во ад для освобождения душ их? Возможно ли, чтобы эта добрая, неслыханная весть не потрясла их до глубины души, чтобы при получении ее они сохранили все благоразумие, все хладнокровие?

Конечно, было бы приятно и весело слышать, что крестьяне, выслушав эту весть, оделись в синие армяки, а крестьянки в праздничные сарафаны, что они вышли на улицу и стали играть хороводы… с тем, чтобы на другой день вновь благонравно приняться за исполнение старых обязанностей.

Но увы! Как ни соблазнительна подобного рода идиллия, едва ли, однако ж, она возможна на деле. Всякий благоразумный помещик поймет, что требование такого нерушимого благонравия не только неуместно, но даже несправедливо; что оно не согласно с условиями человеческой природы… уже по одному, что в числе условий этого развития немаловажное место занимают невольные ошибки, неподготовленность и неожиданность… для крестьянина, преисполненного новым для него чувством свободы довольства, трудно воздержаться от того, чтобы даже не предъявить чего-нибудь лишнего… А между тем люди, предъявляющие относительно крестьян, ожидания и требования буколического свойства, выискиваются нередко… Понятно, что заручившись однажды этой мыслию и заранее определив на основании ее будущий ход событий, они не могут оставаться хладнокровными, не могут не сердиться, видя, что жизненные явления на каждом шагу противоречат утопии»[79].

Здесь со всей отчетливостью видно, как основательная оппозиция «телеологии» и «генетики» превращается в трагифарс – противостояние между возвышенными мифами и прозой реальной жизни. Трагифарс, за который так дорого заплачено.

В рамках нашего обсуждения нет возможности обойти вопрос о социальной силе, выступавшей прочной нравственной опорой определенному направлению «телеологии» – российскому нигилизму. Двести лет русская интеллигенция пестовала традиции нигилизма. Противостояние государству – нравственный императив интеллигента. Социальный статус – в большой мере производная градуса оппозиционности.

Эту позицию ярко выразил П.Б. Струве: «Интеллигентская доктрина служения народу не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему самому никаких воспитательных задач… Вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм или охлократия… В основе лежало представление, что “прогресс” общества может быть не плодом совершенствования человека, а ставкой, которую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению»[80].

Проблема социальных предпосылок общественных преобразований, их наличия или, напротив, отсутствия не обошла и дискуссии в ходе рождения нашей социал-демократии. На II съезде РСДРП присутствовали большие социальные мыслители и они, конечно же, не могли обойти эту проблему, занимавшую в этот период умы их коллег в Европе.

В ответ на сомнения Г.В. Плеханова о наличии в России необходимых культурных предпосылок для проведения социалистических преобразований В.И. Ленин парировал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нельзя начать сначала с завоевания революционным путем

боды. Сборник / сост. И.Е. Дискин. М.: Европа, 2007. С. 79–87.

[79] Салтыков М.Е. Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу. Революция против свободы. Сборник. С. 80–82.

[80] Струве П.Б. Интеллигенция и революция. Вехи. Сборник статей. М.: Новости, 1990. С. 144.

предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы»[81].

Сегодня у нас уже достаточно аргументов, как за, так и против этой «телеологической» стратегии В.И. Ленина. Главной проблемой реализуемости этой стратегии была возможность последовательного следования ее целям в реальных социальных условиях. Да и сама эта стратегия, уступая реалиям, претерпела существенные изменения.

Так, Н.А. Бердяев, рассматривая идеологические корни русской революции, реализовавшей ленинскую стратегию, писал: «Этот “ортодоксальный” марксизм, который в действительности был по-русски трансформированный марксизм, воспринял прежде всего не детерминистическую, эволюционную (sic! – *И. Д.*), научную сторону марксизма, а его мессианскую, мифотворческую революционную сторону, допускающую экзальтацию революционной воли, выдвигающую на первый план революционную борьбу пролетариата, руководимого организованным меньшинством, вдохновленным сознательной пролетарской идеей. Этот ортодоксальный, тоталитарный марксизм всегда требовал исповедания материалистической веры, но в нем были сильны и идеалистические элементы. Он показал, как велика власть идеи над человеческой жизнью, если она тотальна и соответствует инстинктам масс (sic! – *И. Д.*)… И Ленин показал на практике, что это возможно. Он совершил революцию во имя Маркса, но не по Марксу. Коммунистическая революция в России совершалась во имя тоталитарного марксизма, марксизма как религии пролетариата, но в противоположность всему, что Маркс говорил о развитии человеческих обществ»[82].

Далеко не во всем соглашаясь с выдающимся мыслителем, здесь важно обратить на отмеченную связь между успехом в воплощении заветов «религии пролетариата» и историческими предпосылками этого успеха в виде «инстинктов масс». Но в этом успехе немалый вклад принадлежит и основной доминанте предшествующего общественного развития нашего народа, далеко не только его «низов».

Эта доминанта, подкрепленная почти незыблемым авторитетом «высокой культуры», была тесно связана с ценностями справедливости и требованием их воплощения в жизнь любой ценой. Здесь уместно вспомнить о жизненном пути нигилистки Лизы Бахаревой, с такой симпатией изображенной Н.С. Лесковым, далекого от симпатий к нигилистам[83]. Именно высокое, бескомпромиссное нравственное чувство, сформированное русской культурой, определило весь ее жизненный путь.

В таких условиях было бы упрощением говорить только об «инстинктах масс». Мы имеем дело с достаточно значимыми культурными основаниями, которые были дополнены общим одичанием войны, пропагандой разнородной оппозиции и которые и создали такой тотальный климат дискредитации правящего режима, его истеблишмента, что стало питательной средой для «инстинктов масс», для их активного нигилистического по своей сути действия.

Здесь можно сослаться на сделанный ранее авторский вывод о том, что «в основе нормативных представлений большевиков лежала их вера в возможность быстрого общественного переустройства, определенная социальная концепция человека, который в тот период многим представлялся пружиной, сжатой угнетением. Достаточно освободить его от социальных оков, и “разогнет он могучую спину”. Можно вспомнить “птенцов Керенского” (так называли тогда амнистированных Временным правительством уголовников), рассказ Г. Успенского “Выпрямила” и т. д.»[84].

---

[81] Ленин В.И. Выступление по аграрному вопросу на II съезде РСДРП. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.

[82] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н.А. Избр. труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 327.

[83] Лесков Н.С. Некуда. Роман. В 3 кн. // Лесков Н.С. Собр. соч. В 12 т. М.: Правда, 1989.

[84] Дискин И. В путах возомнившего разума. С. 8.

Эта концепция объединяла большинство отечественных революционеров вне зависимости от более частных различий в их воззрениях.

В целом, обсуждая ход отечественной дискуссии сторонников «телеологии» и «генетики», было бы и ошибочно, и несправедливо обойти интеллектуальный подвиг генетически ориентированных авторов сборника «Вехи», пытавшихся преодолеть примитивно трактуемый материализм (ряд авторов сборника участвовали в развитии этого направления социальной мысли), выдвинуть нравственное измерение в центр оснований общественного развития. Эта героическая попытка была отвергнута обоими флангами российской общественной жизни.

Наиболее жестко на нее отреагировал В.И. Ленин, назвав эту книгу «энциклопедией либерального ренегатства»[85]. Важным свидетельством того, какими в системе представлений лидеров страны было место и роль отдельной личности, может служить заочный диалог между Г. Зиновьевым и делегатами 2-го губернского съезда инженеров, состоявшегося в 1924 г.

Этот съезд выступил со следующим обращением: «Коммунисты как материалисты считают необходимым и нужным дать людям в первую очередь предметы первой необходимости, а мы, интеллигенты, говорим, что в первую очередь нужны *права человека*. Сейчас мы этих прав не имеем, и пока их не получим, мы будем инертны. Интеллигенты! Кто же такой интеллигент? Неужели человек, имеющий диплом? Интеллигент, это всякий человек, будь то крестьянин, будь то рабочий, будь то человек с дипломом, это человек, который ставит выше всего права человека, считает, что человек высшая ценность в государстве»[86].

На это с трибуны XIII съезда РКП(б) последовала отповедь Г. Зиновьева: «Каких еще “прав человека” хотят они? Тех самых “прав”, которые имеют буржуазные инженеры, скажем, во Франции»[87].

Здесь видно, что фундаментальный спор между телеологами и генетиками «схлопнулся» в доктринерское противостояние между либералами и коммунистами.

Дискуссия о пятилетнем плане. Особенно остро споры о соотношении телеологии и генетики возобновились в рамках дискуссии о принципах и методах разработки пятилетнего плана. Для нашего обсуждения эта дискуссия представляет особый интерес в связи с тем, что в ее ходе рассматривались сами принципы стратегического развития, необходимость учета самых разных его сторон.

Сегодня, как и тогда, без малого век назад, перед нами стоит грандиозная задача выработки стратегии развития. Стратегии, в которой необходимо соразмерить масштаб задач и возможностей их успешной реализации. Стратегии, в которой необходимо учесть множество факторов, условий с тем, чтобы успешно ответить на исторические вызовы. Представляется, что сходство ситуации, когда было необходимо выработать стратегию, от успеха которой зависело само существование нашей страны, заставляет нас внимательно прислушаться к аргументам сторон.

Следует отметить, что в самом начале дискуссии присутствовало представление о том, что пятилетний план является частью процессов общественной трансформации и, соответственно, его ориентиры должны быть «погружены» в общий социальный контекст, учитывающий самые разные, включая и фундаментальные, стороны развития.

Так, Г.М. Кржижановский – тогда председатель Госплана СССР, в своей концептуальной статье писал: «Контрольные цифры Госплана показывают, что мы фактически находимся на расстоянии и от этой фазы социалистического строительства… Однако, что доказывает это обстоятельство? Выходит, что действительный процесс трансформации капиталистического

[85] Ленин В.И. О «Вехах» // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 19. С. 173.

[86] Дискин И. В путах возомнившего разума. С. 8–9.

[87] Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1973. С. 103.

общества в общество социалистическое носит гораздо более сложный характер, чем то представлялось даже гениальным провозвестникам научного социализма»[88].

Тогда ясны были социальные ограничения предстоящего развития: «Борьба за качество продукции, в широком смысле этого слова, является поистине борьбой за социализм. Несомненно, что здесь перед нами величайшие трудности, именно в силу нашей общей экономической отсталости и общего низкого уровня нашей культуры. Со всех сторон здесь засасывает нас губительная трясина нашего прошлого – перед нами своего рода экономический Перекоп»[89].

В этом (спустя почти четверть века) слышны отголоски цитированной выше дискуссии между Плехановым и Лениным о необходимых культурных предпосылках социалистических преобразований.

В центре дискуссии о пятилетнем плане стоял вопрос о темпах индустриализации страны и тех методах, которые необходимо использовать для ускорения темпов социалистических преобразований.

В ходе дискуссии о пятилетнем плане проблема соотношения телеологии и генетики, границ «коридоров возможного» была поставлена вполне отчетливо.

Среди участников дискуссии, выступавших с позиций необходимости учета генетических факторов, следует выделить прежде всего В.Г. Громана, отстаивавшего комплексный взгляд на хозяйственное развитие и давшего название обсуждаемой оппозиции «телеология» и «генетика»[90]. Он отмечал, что «…когда вы ищете логическую основу “синтеза генетической и телеологической точек зрения”, то вы должны сказать, что самая формулировка цели вытекает из генетического процесса»[91]. Заметим, что это было его последнее появление на страницах журнала «Плановое хозяйство».

На этой же позиции стоял и В.А. Базаров[92], который указывал: «Телеология и генетика – не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого»[93].

Среди участников дискуссии были и другие оппоненты волюнтаризма, сторонники комплексного подхода, систематического поддержания равновесия: «Проблема заключается в следующем: если в каждый данный момент величина и качество общественной продукции являются определенными данными, то при каком *волевом* распределении продукта, при каком характере его общественного потребления может быть разрешена поставленная выше задача усиления *темпов развития* народного хозяйства при условии роста его социалистических элементов?

Отвечая на эти вопросы, мы неминуемо столкнемся с вопросом о *пределах* такого волевого перераспределения общественной продукции, т. е. с вопросами хозяйственного *равновесия* во всем объеме этого понятия. Соответственно с этим *направление, темп и равновесие* – эти три взаимозависимых элемента являются кардинальными проблемами нашей экономики»[94].

Здесь следует отметить, что сторонникам такого подхода признанные экономистами критерии равновесия, требования отсутствия кризисов в ходе развития представлялись почти

---

[88] Кржижановский Г.М. К идеологии социалистического строительства // Плановое хозяйство. 1926. № 1. С. 22.

[89] Кржижановский Г.М. К идеологии социалистического строительства. С. 10.

[90] Следует отметить, что В.Г. Громан стоял у истоков планового подхода к хозяйственному развитию. Как отмечает В.А. Базаров в своей статье, посвященной тридцатилетию научной и общественной деятельности В.Г. Громана, именно В.Г. Громан еще в период Февральской революции вел агитацию под лозунгом: «Или планомерное регулирование, или гибель революции». Нужно отметить, что в тот период он был комиссаром продовольствия Временного правительства по Петрограду (см.: Базаров В.А. Громановская концепция народнохозяйственного целого и плановое хозяйство // Плановое хозяйство. 1927. № 6).

[91] Речь В.Г. Громана в ходе дискуссии по принципам планирования см.: Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 159.

[92] Базаров Владимир Александрович [наст. фам. Руднев; 27.7(8.8)1874, Тула – 16.9.1939, Москва] – русский философ, экономист, публицист и переводчик, социал-демократ; в этот период член Президиума Госплана СССР.

[93] Базаров В. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 38.

[94] Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие // Плановое хозяйство. 1929. № 2. С. 135–136.

неоспоримыми. В качестве подтверждения своей позиции они обращались к политэкономическому, социально-политическому измерению последствий возникающих диспропорций.

Так, одной из ключевых точек этой дискуссии был вопрос о «ножницах цен», о диспаритете цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Этот диспаритет позволял, по мнению сторонников «высоких темпов», выкачивать прибавочный продукт из сельхозпроизводителей на нужды индустриализации. Активным сторонником этой позиции, как это хорошо известно, был Е.А. Преображенский[95]. Он и был автором этой концепции, получившей политическую поддержку Льва Троцкого и до поры встречавшей отпор со стороны И.В. Сталина.

При этом ряд специалистов указывал на то, что этот путь ведет к снижению стимулов роста производства в сельском хозяйстве, к повторению ситуации 1923–1924 гг., когда крестьяне сокращали производство. Они отчетливо понимали диалектику сложившейся ситуации. «В известных размерах и до известного времени “ножницы” неизбежны. Этого требуют интересы индустриализации отсталой страны. Однако необходимо иметь в виду, что обусловленные задачей социалистического строительства “ножницы”, вместе с тем, в каждый данный момент затрудняют усиление смычки госпромышленности с сельским хозяйством и, следовательно, соответственно укрепляют позиции капиталистического круга воспроизводства. Это противоречие является проявлением основного противоречия нашей экономики» [96].

Руководители Госплана СССР также поначалу высказывали трезвые соображения по поводу соотношения телеологии и генетики. В докладной записке Госплана СССР Совету труда и обороны И.Т. Смилга (зам. председателя Госплана в то время)[97] писал: «Хозяйственный план должен строиться с учетом двух основных элементов. Во-первых, план должен учитывать объективные тенденции хозяйственного развития, обеспечить в наибольшей степени влияние на ход экономической жизни со стороны пролетарского государства» [98]. С. Шаров приводит текст И.Т. Смилги, в котором тот предостерегал от «максимализма» плана и достаточно подробно разбирал «сущность телеологического максимализма»: «Телеологическая “военная” концепция плана такова: имеется данная постановка, данные объективные моменты; к этим объективным моментам подходит субъективная воля, имеющая субъективные цели в смысле изменения этих моментов»[99].

Чем же отвечали оппоненты, выступавшие за предельно высокие темпы экономических преобразований?

При оценке их позиции не следует игнорировать их важные истоки – доминирующий в тот период характер общественно-политических настроений, в результате которых сторонники низких темпов постоянно находились под прессом возможных обвинений в «капитулянтстве» и «буржуазном уклоне». Отражением этого идеологического прессинга является известное выражение С.Г. Струмилина (в тот период зам. председателя Госплана СССР): «…лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие».

Но были и более веские аргументы. «По вопросу о том, насколько быстро может развиваться наша промышленность, шли горячие споры в течение последних лет. Большинство специалистов-инженеров и буржуазных экономистов доказывали, что мы могли быстро расширять производство лишь в так называемый восстановительный период… Все эти доводы обставлялись большой внешней убедительностью, энергично подкреплялись указаниями на многочисленные трудности, стоящие на нашем пути… возражения же и указания на то, что перспективы наши более благоприятны, расценивались как беспочвенное фантазерство.

---

[95] Преображенский Е.А. – видный большевистский деятель, социолог и экономист, сторонник радикальных преобразований.

[96] Бялый И.А. К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР // Плановое хозяйство. 1929. № 2. С. 182.

[97] Смилга Ивар Тенисович (1892–1937) – член большевистской партии с 1907 г.

[98] Шаров С. Цель в плане и задачи нашего хозяйства // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 59.

[99] Шаров С. Цель в плане и задачи нашего хозяйства. С. 60.

Нужно отметить, что первая пятилетка, построенная с такого рода притязанием на “реальность”, была составлена еще в 1923 г. и носила название “Ориентировочный перспективный план металлургической промышленности РСФСР на пятилетие, начиная с 1923 по 1927 гг. включительно”. Поскольку это перспективное развитие черной металлургии было построено на базе оценки вероятного развития и роста потребности в металле со стороны всех отраслей промышленности и народного хозяйства, эта пятилетка является, по существу, наброском пятилетнего плана всего народного хозяйства…

И, несомненно, если бы в 1923 г. кто-нибудь взял на себя смелость утверждать, что за 4 года (до 1927 г. включительно) мы сможем увеличить выплавку чугуна в 10 раз, а не в 3,6 раза, как намечали авторы проекта, что мы за этот период почти учетверим, а не удвоим производительность труда, то такого человека, несомненно, назвали беспочвенным фантазером, утопистом, человеком, не имеющим чутья в действительности… Всего полтора года тому назад, перед самым началом 1927/28 хозяйственного года, на этот год намечался рост продукции в размере 16,3 %, а в ноябре этого же года, т. е. когда хозяйственный 1927/28 г. уже начался, рост продукции намечался в 18,1 %. Фактический рост продукции за этот год составил около 24–25 %, превысив в полтора раза рост, намеченный первой пятилеткой»[100]. Приведенная цитата показывает, что сторонники «высоких темпов» опирались и на реальность, на безусловно выдающиеся достижения восстановительного периода, с которого начиналась первая пятилетка.

Но эти успехи привели сторонников «рывка» к радикальным теоретическим выводам: «Таким образом, теория неизбежности затухания кривой в нашем развитии, которая большинством консервативных специалистов и буржуазными и склонными к буржуазной идеологии экономистами выдавалась за непререкаемую истину и преподносилась в качестве об’ективно обоснованной реальности, – *эта теория оказалась реакционной легендой, вымыслом, ничего общего с действительностью не имеющим*»[101]. Такие теоретические «прорывы» создавали основу для еще более радикальной практики, метафорой которой были слова «Марша энтузиастов»: «Нам нет преград ни в море, ни на суше»[102].

В рамках рассматриваемой дискуссии важно также привести точку зрения нашего великого экономиста Н.Д. Кондратьева: «Но что значит согласовать наши задания с реальными ресурсами страны, с реальными возможностями ее развития? С.Г. Струмилин не анализирует этого вопроса. Но на этот вопрос можно дать только один ответ. Наши задания относятся к будущему. Они указывают, в каком направлении должны развиваться наши сознательные усилия и мероприятия. Наши усилия и мероприятия для реализации задания могут сделать многое. Но все же они не всесильны. Они будут развиваться в конкретной объективной обстановке будущего, в которой огромное значение имеют чисто стихийные процессы. И действительный результат, к которому приведут наши усилия и мероприятия, определится сочетанием нашего действия и действия объективной среды, в которой они будут протекать. Но если это так, то наши задания будут реальны лишь в том случае, если они *отобразят в себе именно эти действительные результаты, которые могут быть достигнуты нашими усилиями, протекающими в конкретной объективной обстановке* (курсив автора цитаты. – *И. Д.*)»[103].

Примером того, в какой мере сбылись эти предостережения, является история строительства и ввода в эксплуатацию легендарного ГАЗа. Его строительство велось ударными темпами

---

[100] Сабсович Л.М. Гипотеза масштабов продукции основных отраслей народного хозяйства СССР в период Генерального плана // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 55–57. Доклад Л.М. Сабсовича разработан по заданию Комиссии генерального плана Госплана СССР и, соответственно, вполне выражал официальную позицию Госплана СССР.

[101] Сабсович Л.М. Гипотеза масштабов продукции основных отраслей народного хозяйства СССР в период Генерального плана. С. 59–60.

[102] Марш энтузиастов. Текст Д’Актиля, муз. И. Дунаевского. Песня из фильма Г. Александрова «Светлый путь», 1940.

[103] Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 3.

начиная с мая 1930 г.[104] Первый автомобиль сошел с конвейера летом 1932 г. Но мало кто помнит, что на проектную мощность завод вышел лишь два года спустя, сказались низкая технологическая и организационная дисциплина, недостаточная квалификация работников всех звеньев производства.

Как известно, подобные издержки высоких темпов были характерны не только для ГАЗа.

Сегодня, когда мы в полной мере понимаем статус Н.Д. Кондратьева в мировой экономической и шире в социальной науке, мы можем и должны прислушаться к его наставлениям, позволяющим взвешенно находить компромисс между двумя крайностями.

Рассматривая итоги дискуссии о пятилетнем плане, а также имея в виду характер последующей реализации выработанных в ее ходе подходов, можно сделать вывод о том, что главной проблемой реализации выработанной стратегии являлось то, что «постепенная трансформация общественных отношений», о значении которой писал Г.М. Кржижановский, была выведена за рамки необходимых условий решения задачи построения социализма.

Последняя, основанная на преимущественно «генетических» основаниях, оказалась сведенной к достижению суммы априорных инструментальных характеристик различных сторон экономической, политической и социальной жизни общества, лежащих уже в пространстве «телеологических» представлений. «Социализм при этом утрачивал свое общесоциологическое содержание и ограничивался такими характеристиками, как уровень обобществления производства, выраженный через долю продукции, производимой государственными и кооперативными предприятиями»[105]. Плановость экономики при таком понимании оборачивалась «бюрократической утопией доведения пятилетки до каждого станка»[106].

Здесь следует отметить парадокс. Марксизм – прямой наследник гегельянства (К. Маркс начинал как младогегельянец) – преимущественно генетической концепции. Все теоретико-методологические построения исторического материализма – экстраполяция теоретически выстроенных тенденций исторического развития. В рамках этих же построений определялись цели общественного развития.

Однако, определив эти цели, большинство теоретиков марксизма отбрасывали генетические подходы и переходили в стан жестких телеологов. Э. Бернштейн и затем его последователи – еврокоммунисты – исключение. Главный «грех», в котором их обвиняли оппоненты, представлявшие себя в качестве единственно «подлинных» марксистов, – недостаток радикализма, революционного стремления реализовывать цели социалистических преобразований. В нашем дискурсе – учет требований «генетики».

Свидетельством этого являются слова Иоффе – видного деятеля компартии: «Вы – правы, но залог победы Вашей правоты – именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов, точно так же, как всегда в этом именно был секрет побед Ильича»[107]. Следуя такой модели, как показывает исторический опыт, можно завоевать власть, но этот же опыт показывает, что так невозможно строить эффективную стратегию общественного развития.

Справедливости ради следует учесть, что это говорят проигравшие, стремящиеся поэтому опорочить победителей. В.И. Ленин потому и был величайшим политтехнологом всех времен и народов, что не раз шел на компромиссы под давлением обстоятельств, чему примерами являются Брестский мир, нэп и не только они. Но все же бескомпромиссность как принципиальная позиция – это всеми признаваемая характерная черта Ильича как политика.

---

[104] https://rus-texnika.ru/istoriya-gorkovskogo-avtozavoda-stroitelstvo-zavoda-1930-god.html

[105] Дискин И. В путах возомнившего разума. С. 9.

[106] Громан В.Г. Телеология или генетика. С. 182.

[107] Предсмертное письмо А.А. Иоффе и сообщение Секретариата ЦК ВКП(б). М., 16 ноября 1927 г. Цит. по: Лев Троцкий. Портреты. Chalidze Publications. Vermont: Benson, 1984. С. 241.

Все это лишь подтверждает общий вывод о необходимости учета общесоциальных изменений при выстраивании стратегии развития. Забвение такого учета вело к тому, что воплощение общесоциальных целей социалистического развития в рамках логики «отсутствия всяких компромиссов» осуществлялось путем их достаточно примитивной декомпозиции, сведением к набору формальных показателей, за которыми терялся общий контекст социальной трансформации. Достижение этих показателей – фрагментов «мозаики» – практически никогда не сверялось с общей исходной картиной, ради чего, собственно, и затевались преобразования.

Достаточно вспомнить цепочку декомпозиции: коммунизм – материальная база коммунизма – показатели производства на душу населения – немыслимо высокие для индустриальной страны темпы роста. Какая уж тут общественная трансформация. Тем более что параллельно шло стихийное изменение самых основ общественного функционирования: индивидуализация, упрочение партикулярных ценностей, прагматизация и утилитаризм.

Хочется, чтобы мы извлекли уроки из драматических, а подчас и трагических дискуссий о путях формирования стратегии развития страны, из способов реализации этой стратегии.

Сегодня, когда ведется аналогичная по своим функциональным задачам дискуссия (и тогда и сейчас решались судьбы нашего Отечества), когда разрабатывается стратегия «российского прорыва», нам необходим прочный теоретико-методологический фундамент такой стратегии – опора успеха.

Как показывает наше предшествующее обсуждение, крайне важно не упустить взаимосвязь между собственно экономическими и научно-техническими преобразованиями, с одной стороны, и их общесоциальным контекстом, который в очень большой степени определяет успех этих преобразований, с другой. Этим обусловливается то внимание, которое в данной работе уделяется процессам социальной трансформации, отечественной специфике этих процессов, учет которых необходим для выстраивания эффективной стратегии.

Альтернативы развития: воображаемые, мнимые и реальные. Вопрос об альтернативах развития – ключевой для нашего обсуждения. Собственно, игнорирование альтернатив, отбрасывание иных, кроме предпочитаемых целей развития, лежало в основе исходной, примитивной версии телеологии.

В рамках этой версии все сущее считалось подвластным воле правителя, тем более (вспомним Платона) ведомого разумом, знанием и волей, или в иной трактовке «всесильной теорией». Карикатурой (но не только карикатурой) такого рода политического волюнтаризма явились планы Н.С. Хрущева по строительству материальной базы коммунизма.

Но телеология – не привилегия лишь карикатурных марксистов-ленинцев. Эти же последовательно телеологические подходы видны и на противоположном фланге – среди «псевдолиберальных» глобалистов, превративших великие ценности подлинного либерализма в «гражданскую религию», считающих, что можно повсюду продвигать свободу и демократию, невзирая на конкретные социальные и исторические предпосылки. Да и в нашем отечестве «молодые реформаторы», как уже не раз отмечалось, ради становления рынка и демократии действовали по-большевистски, не считаясь с огромными социальными издержками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.